

СМЕНА

24

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Николай ФЛЕРОВ

ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ГОД!

Здравствуй, Новый год! Как будто
просто:

Счастья пожелать, успехов, сил.
Но такого радостного тоста
Никогда и не произноси.

Потому, что нынешней весной
Под распахнутым шатром небес
Прозвенела зелёною листвою
Раньше срока выращенный лес.

Нам дороги ясные открытия
Нычье в новый год. И потому,
Новых изысканий слезопыль,
Мы особый тост найдём ему:

За цветущие сады в пустынях,
Воаны в свете утренней зари —
Им сюда идти в потоках синих
Подчинённая нам Аму-Дарьи!

Стройкам новых станций срок
недолгий
Приближай его, твори, дорой!
Здравствуй, яркий свет огней над
Вологд,
Здравствуй, небывалый урожай!

Нам победы не давались даром,
Кровью завоеваны, трудом.
А враги злобой выжили пожаром,
Чёрной злобой дышит Белый год.

Но по всем известным нам законам
Правде на земле торжествовать!
И большого счастья, что дано нам,
Никому вовеки не отнять.

Это счастье — день рабочей вахты,
Это плашки стали, бег машин,
Это уголь на-гора из шахты,
Смелого новатора почин;

Зелень новороздленного леса,
Мчашисе выхрем поезда,
Новые трубы Днепротра
И каналов сельского вода.

Так шестви в народе дружбе братьской,
Проявлять трудом вычку в Кремле,
Крепнуть нашей волюе солдатской
И покой и мир нести земле!

Ушёл год 1950-й. Ещё на год старше стала наша страна, ещё на один год приблизилась мы к коммунизму. Спокойно и уверенно, исполненная сознания своего могущества и величественных планов, вступила наша Родина в новый, 1951 год, первый год второй половины нашего века.

С чувством огромного удовлетворения и гордости подходим мы к концу минувшего года. Давно вперёд шагнула наша страна! Много славных дел на благо любимой Отчизны совершили советские люди.

Досрочно выполнены все основные задачи послевоенной пятилетки. По плану намечалось увеличить продукцию промышленности в 1950 году на 48 процентов по сравнению с 1940 годом; на самом же деле довоенный уровень за 10 месяцев минувшего года превышен на 70 процентов. В прошлом году собрано 7 миллиардов 640 миллионов пудов зерновых культур — это самый большой урожай за всё время существования Советского государства.

Велики успехи нашей Родины во всех без исключения отраслях народного хозяйства и культуры. Но самое большое достижение, самый важный итог — это, несомненно, рост людей, невиданный расцвет творческих сил и высоких моральных качеств советского человека.

День ото дня растёт ярким передовиком, составляющим гордость и славу нации. Много новых имён станководов, новаторов узнала страна в минувшем году, и среди них большое и почётное место занимает представительница славной советской молодёжи.

Вот два друга, молодые токари-скоростники Московского станкозавода имени Орджоникидзе, Юрий Диков и Николай Чипирёв. Вчера ещё школьники, за исключением разве узкого круга товарищей по работе, не знал их, сегодня их портреты вывешены в центральных залах, мы посвящаем передовые статьи, они выступают с докладами перед специалистами, в их адреса идут письма со всех концов страны.

Чем прославился эти юноши? Тем, чем только и можно прославиться в нашей социалистическом государстве: самоотверженным трудом на пользу общества. Оба юноши, по станковому работнику, умело и умно, коренным образом усовершенствовали технологию обработки сталей, достигли небывавшей производительности: они обрабатывают деталь за пять минут вместо прежних ста.

17 декабря трудящиеся Омска в числе других избрали своим депутатом в горсовет работницу обувной фабрики Клавдию Кузнецову. Клавдия только недавно исполнилось 18 лет, и в этом году она сама впервые участвовала в голосовании. Но в нашей стране молодость в почёте. Кузнецова — лучшая станковика фабрики, и народ облёк её своим высоким доверием. На Севере, в Карело-Финской ССР, тракторист лесхоза комсомолец Иван Коток, рационализаторша протез троллей трактористки, став выигравшей 2—2½ нормами. На Юге, в солнечной Грузии, молодая колхозница Героя Социалистического Труда Варда Концелидзе сняла в 1950 году свыше 11 тысяч килограммов чайного листа и за это награждена вторым орденом Ленина.

И ведь этот почётный список героев можно продолжать до бесконечности. Герои есть повсюду, во всех отраслях работы, во всех без исключения областях нашей жизни. Героем нашего времени является и самый молодой учёный, 22-летний доктор физико-математических наук комсомолец Сергей Мергелян, и 20-летний свердловский педагог-отличник Альфред Прокураков, и талантливая актриса Театра имени Ермоловой Иветта Киселева, создавшая на сцене и в кино ряд замечательных образов советских девушек, и молодой композитор Сулхан Цинцдзе, написавший «Позу» о Ставине, и писатель-комсомолец Юрий Трифонов, автор новой повести «Студенты, ставевари-скоростники и студенты-отличники, строители Сталинградского ГЭС и спортсмены, установившие рекорды, затеяв джорк и машинист-патисотник... Разве называть, перечислять всех их, этих героев, рассказавших о замечательных их делах? Для этого понадобится бы тома и тома. Что ни день, то рождаются десятки, сотни новых передовиков. По ним равняются, с них берут пример. Подвиг одного немедленно вызывает тысячи последователей.

Нашивший год будет годом новых, ещё более великих свершений. Нас, советских людей, трудно удивить. Большим масштабом мы привыкли к гигантским цифрам, к небывалому размаху строительства. Но то, что предстоит свершить в ближайшие годы, не идёт ни в какое сравнение с тем, что мы знали и видели до сих пор.

В этом номере «Товарищи» вы найдёте рассказы представителей различных слоёв нашей молодёжи. Большинство из них — люди редкие, нимем, осознанным себя ещё не прославившие, самые обыкновенные юноши и девушки. Как смелы и благородны их мечты, как прекрасны их порывы! Токер Урвмише Владимир Шкредов мечтает о новых, ещё более совершенных методах скоростного резания. Это не бесплодные мечты: своё право на них он уже подтвердил тем, что в три года, что в три года, что в три года. Ученица Калининского техникума гражданского строительства Ренна Меньшова решила добиться в наступившем году выходящих спортивных результатов по конькам и сдать на отлично все экзамены. Молодой солист Большого театра Александр Огнинец готовится к новым ответственным партиям. Все они, эти люди, — наши товарищи, это наша молодёжь, наш комсомол; дела их — это дела всей молодёжи нашей страны, их мечты — это мечты всего комсомольского племени.

Мы твердо знаем: мечты эти сбудутся. Пороку тому весь строй нашей жизни, вся наша действительность.

Большое, не с чем не сравнимое счастье — жить в стране, где строится коммунизм, принадлежать к народу, который, как вы видите, который вдохновляет и ведёт от победы к победе самой родной, самый любимый и близкий человек на свете — великий Сталин!

Просторы всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 24. 1950 год.

Год
издания
27-й

Фото
А. Удьяна

«С Новым годом! С новыми трудовыми успехами!» — поздравил знатный штукатур
Метростроя Михаил Иванович Хабаров молодого ставановца Владимира Селверстова.

Тогда грядущий

Уралмашзавод. Цех металлических конструкций.

МОЯ СЕМЬЯ

В канун Нового года, вечером, собрались мы все у Ивана. Среди нас братьев, он самый старший. Иван приехал сюда, когда и завода ещё не было — только начинали рубить лес. Сейчас, когда ходишь по улицам, даже трудно поверить, что двадцать лет назад на месте и этих многоэтажных домов и нашего завода шумел сосновый бор. Так же, наверное, и строитель Кубышевской гидростанции старается представить себе, как на месте приволжских лесов и полей вырастет такой же, как и у нас, город, как Волгу опояшет большая плотина. А через несколько лет им, жителям нового города, будет казаться, что и плотина, и мачты электропередач, и оросительные каналы — всё это было всегда.

Первый тост провозгласил Иван. Он поднялся из-за стола, в его широкой руке бокал казался совсем маленьким.

— За товарища Сталина, — сказал он, и обычно живое и улыбаемое лицо его стало серьёзным, сосредоточенным. — За товарища Сталина! — повторил Иван.

Все встало. Каждый, когда чокается, чуть задерживает бокал. Все смотрят друг другу в глаза. Взагляды будто говорят: «За то, чтобы исполнились наши мечты». Я чокаюсь со своей сестричкой Машей. Кажется, что сейчас она скажет: «Скорой кончай, Вовка, техникум и иди

учиться в институт. Если трудно будет, не таясь, скажи, всегда тебе помогу». Какая она славная, Маша! «Спасибо», — отвечаю я взглядом, — я и сам справлюсь. А тебе желаю стать замечательным врачом, и Маша, видно, понимает, что я думаю, улыбаясь и говорит:

— Ладно, ладно, хватит смотреть, пей уай!

— До дня, мать, до дня, — говорит Иван маме. Он следит, чтобы все пили, затем одним глотком выпивает свой бокал, расправляет усы, потом садится и принимается за еду.

Семнадцать человек за столом, все семнадцать живут и работают на «Уралмаше». Вот на край стола наша старейшая мама. Она понт молоком своего младшего внука Николаю, двухлетнего сына Нины, моей сестры. Нина работает планировщиком цеха, а её муж Геннадий — расточником. Оба по вечерам учатся в техникуме.

Да, каких только специалистов нет у нас, Шрёдеров! Иван — машинист паровоза, его жена Тася — медицинская сестра в поликлинике, и брат Григорий — мастер по ремонту стенок. Фёдор в своё время вызвали в Запорожье монтировать пресс и за это наградили медалью. Иван разливает в бокалы и роняет вино и кричит Григорию: тост, мол, очереди говорить. Григорий быстро встает:

— Чтобы всегда горела слава «Уралмаша». Ура!

— Ура! Ура! — кричим мы все.

— Много знаешь, что имеет в виду Григорий. Дело в том, что на воротах «Уралмаша» ещё в начале года повесили громадный плакат с надписью: «Осрочно выполним годовую план! В ноябрьские праздники появилась новая надпись: «Выполним годовую план к 5 декабря». А теперь сверяет ещё одна надпись: «Выполнен 4 декабря». Вот про него-то, про эту надпись, и говорит Григорий.

Сегодня и у меня праздник. Исполнилось три года работы на заводе, и сегодня же я законил седьмую годовую норму. «Секреты моей работы в том, что, во-первых, я перешёл на скоростные методы резания, а во-вторых, мне удалось разработать новые приёмы обработки группы деталей.

Приходит и моя очередь провозгласить тост. Я встую, оглядываюсь. Наверное, вид у меня растерянный, потому что все улыбаются. Маша подсаживает мне: «Славиж; пью за ваше здоровье».

Но мне хочется сказать и о заводе, о комсомоле, о техникуме, о всех моих товарищах, Ире Юлиной, Николае Машанов, о Петре Ивановиче Соловейникове, нашем преподавателе... И я говорю:

— За тех, кто нас учит! У нас в семье почти все учатся: восьмой человек ходит в школу, в техникум, в институт. Но ведь нас учат не только в школах. Мы учимся на работе, в жизни...

— Молодцы, Вовка, хороший тост сказал! — говорит Фёдор. — Это тост за партия! за комсомол.

— Налейте мне квасу! — кричит сынко Ивана, Валентин, ученик четвёртого класса. Он тянется с рюмкой через стол и говорит, что тоже хочет выпить — за преподавателя физкультуры.

Мы выпиваем, и Мария затягивает: «Бывайте здоровы, живите богато — нашу любимую песню. Мать ей подгаивает тонким, чуть дрожащим голосом.

Комсомолец Владимир Шрёдов на занятиях в вечернем Машинностроительном техникуме. А тут — Владимир за своим токарным станком.

Побой эту песню, потём другую. Время идёт незаметно. А я вдруг представлял себе наш цех. Мостовые краны поднимают многоэтажные вали и цилиндры и проносят их по воздуху. Бьёт колокол мостового крана. Я представляю, как где-то в жельт шахты ходят забойщики и клеть летит вниз. Где-то на Волге взрывники закладывают шпур. Удар колокола — и отходит от платформ, пилы, паровозы, везущие ископаемые, уголь, гранит, руду...

И мне кажется, что сейчас по всей стране слышатся звуки колокола. И впрямь по радио доносится величественный, будто льющийся в воздухе бой курантов. Это Москва говорит, что начался новый день.

Г. Свердловск.

Владимир ШРЁДОВ,
толяр завода «Уралмаш».

В ПОЛЕТЕ

Москва — Хабаровск, Москва — Куйбышев, Москва — Ташкент, Москва — Сталинград — таковы маршруты моего самолёта. Порой в пути застигает непогода: туман застилает землю, дождь или снег закрывает стёкла кабины. В такие трудные минуты я всегда представляю себе, что вот там, внизу, под самолётом, идёт титаническая работа: люди строят новые фабрики, заводы, роют колоссальные каналы, сооружают гигантские гидростанции. Подумав об этом — и словно сил у тебя прибавляется, и тогда уж никакие трудности не страшны.

Нам, лётчикам Гражданского воздушного флота, приятно сознавать, что и мы принимаем участие в создании строек коммунизма. Мы доставляем машины и запасные части, почту, перевозим инженеров и рабочих в Туркмению, на Волгу, к Днепру.

У меня около полутора миллионов километров полёта. Особенно много летал я в минувшем, 1950 году.

Кем-то летели мы в Куйбышев. Пассажирами были будущие строители Куйбышевской ГЭС. Когда самолёт шёл над Жигулёвскими горами, я включил автопилот и вышел к пассажирам.

— Видите, — говорю я, — в самой гуще леса длинную просеку? Там скоро пройдёт магистраль, которая свяжет Куйбышевскую ГЭС со многими приволжскими городами и сёлами. А вот по Волге идёт буксир, тащит за собой плот. Это доставляется материал для лесозавода.

Величественные изменения видны под крылом самолёта. С каждым днём всё больше и больше видишь новых строек, новых городов, планет новой жизни.

В новом, 1951 году я буду работать над проблемой скоростного вождения транспортных самолётов в любых метеорологических условиях. Это будет мой вклад в наше общее дело.

Герой Советского Союза
П. МИХАЙЛОВ

Герой Советского Союза П. Михайлов.

Анна Козулаева.

БУДУ АГРОНОМОМ!

Больше всего я любила беседовать с агрономом Валей Гагариной. Особенно мне нравилась её любовь к растениям, к труду, к земле, в силу которой она необычайно верила. «Знаешь, Нюра, — говорила она, — земля может дать самые различные, самые богатейшие плоды, о которых мы сейчас ещё и мечтать не смеем. И постепенно мы открываем её тайны...»

Мне тогда многое казалось чудесным: у нас, в северном колхозе «Красный Октябрь», вырастали южные культуры — арбузы и виноград — и пшеница давала высокие урожаи. О нашей ертели много писали в газетах, и нам призывали учиться.

Наш колхоз мало чем отличается от города. В нём есть электричество, и радио, и телефон, и водопровод. На каждой ферме стоят моторы и механизмы, заменяющие ручной труд. У нас в «Красном Октябре» семнадцать Героев Социалистического Труда.

Любовь к сельскому хозяйству у меня появилась с детства, но избрать профессию мне помогла Валя Гагарина. Мне очень хочется быть похожей на неё.

Как только я окончила десятилетку, решила поступить во Всесоюзную сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, и вот я учусь в Москве уже третий год.

В этом году я решила досрочно писать дипломную работу на тему «Структурообразование почвы в зависимости от высоты урожая многолетних трав и глубины основной вспашки». Постараюсь к летнему курсу написать эту работу. Я решила после окончания академии поехать в самый отдалённый район нашей страны, где буду бороться за высокие урожаи, и постараюсь стать таким же специалистом, как наш колхозный агроном-селекционер Валентина Гагарина.

А. КОЗУЛАЕВА,
студентка Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева

*Тогда
рядущий*

Александр Огинцев.

Александр Огинцев в роли Досифея («Хованщина» М. Мусоргского).

Наступает новый, 1951 год — второй год, который я встречаю в Москве. Я буду слушать бой кремлёвских курантов, возвещающих миру о рождении нового года в стране свободного труда, свободного человечества, в стране, где всякий может осуществить свою мечту.

Я сын машиниста. Советская власть дала мне возможность учиться, получить высшее музыкальное образование и работать в лучшем театре мира — Большом театре!

В октябре 1949 года я был принят по конкурсу в Большой театр. Только что окончил Консерваторию, я не представлял себе, что смогу так скоро выступать на сцене, где выступали такие замечательные деятели искусства, как Собинин, Нежданова, Шаляпин. С первых дней моей работы в театре мне была поручена труднейшая оперная партия — партия Досифея в опере Мусоргского «Хованщина». Это было серьёзное испытание. Со мной работали виднейшие мастера оперной сцены — Н. С. Голованов, М. П. Максакое, Л. В. Баратов. Моим главным учителем и вдохновителем была великая певица Антонина Васильевна Нежданова, чей светлый образ всегда будет мне путеводной звездой. Работая над ролью, я встречался с нашими лучшими певцами, у которых мог многому научиться.

Дебют мой на сцене Большого театра, который состоялся в этом году, прошёл хорошо: я чувствовал себя в неразрывной связи со всем коллективом театра. Недавно я приступил к работе над новыми партиями, в том числе над партией в опере «Декабристы», которую театр покажет в наступающем году. Вместе со мной в театре работает такая же молодёжь, как и я; все молодые актёры вышли из рабочих семей, и всем им советская власть дала возможность учиться и работать в области любимого искусства.

В канун нового года я приношу свою сердечную благодарность нашей партии и правительству за их заботу о молодых талантах, всему нашему свободолюбивому народу, борющемуся за дело мира во всём мире.

Спасибо гениальному творцу коммунизма, другу и учителю всего прогрессивного человечества — нашему любимому Сталину!

Александр ОГИНЦЕВ,

солист Государственного Академического Большого театра

САМОЕ ЗАВЕТНОЕ

В большой светлой учительской на окнах висят красивые шторы с ажурной вышивкой, на диванах расстланы белые чехлы, всюду зеленеют цветы.

— Кто у вас так хорошо вышивает? — спрашивают у нас посетители. — Это всё сделано руками родителей, — объясняем мы.

Дружба учителя с родителями обычно начинается в классе, где мы учим их детей. Много труда, умения и любви нужно приложить, чтобы завоевать признание таких взыскательных критиков нашей работы, как родители.

Уходящий год для меня был радостным годом: мне удалось добиться полной успеваемости класса. Конечно, это далось нелегко. У меня, как говорится, трудный класс.

Мне пришлось много поработать. То я оставалась в школе после занятий, и мы повторяли всё, что казалось непонятным на уроке, то я давала задания и приходила домой посмотреть, в каких условиях готовятся уроки. Я разговаривала с детьми как учительница и как комсомолка.

Вскоре с большой радостью я поставила первую пятёрку по арифметике Володе Воробьёву, а Проглядову, Костянову и Триполко, которые раньше часто шалили, — пятёрки за поведение.

Работая в школе, я сама не перестаю учиться. Сейчас я занимаюсь на втором курсе заочного учительского института. В качестве члена райкома союза работников начальных и средних школ я часто посещаю другие школы, беседую там с учителями, обмениваюсь опытом.

Труднейшие 538-го избирательного округа города Харькова избрали меня своим депутатом в городской Совет. Я постараюсь своей работой оправдать это высокое доверие народа ко мне, молодой учительнице.

Есть у меня самая заветная мечта: в новом году работать там, чтобы быть достойной вступить в ряды нашей любимой коммунистической партии. Я приложу все силы, оправдаю высокое доверие.

Мария СОЛОДОВНИКОВА,
учительница 112-й школы

г. Харьков

Марии Солодовниковой в классе.

РОЖДЕНИЕ ТЕМЫ

Бывает так: идёшь ровным полем, а кругом колосится, волнуется по ветру, рожь. Слышаешь едва уловимые звуки, и как-то глубоко, незабываемая мелодия рождается в душе. Вынале неясная, несознанная, она вдруг вырывается на простор, и звучит, и звучит... И миг этот самый радостный в жизни.

Таким примерно кажется мне этот год.

Ещё в годы учёбы в Московской консерватории мне хотелось создать незабываемую мелодию рожденья в душе. Вынале неясная, несознанная, она вдруг вырывается на простор, и звучит, и звучит... И миг этот самый радостный в жизни.

И лишь недавно всё, что так волновало меня многие годы, вдруг заставило азаться снова за работу и азавуило в первом концерте для Фортельяно с оркестром, навеиванном мною в этом году. Мне хотелось рассказать о величии нашей страны, её людей, создающих светлое будущее, о стремлении советского народа к миру.

Я выбрала жанр концерта для фортельяно с оркестром не только потому, что, как pianiste, он был мне особенно близок и дорог. Большое всего меня привлекало в этом жанре другое: величие, приподнятость и возвышенность звучания, которые так хорошо передаёт оркестр в ансамбле с фортельяно. Мне казалось, что именно в этом жанре можно наиболее полно передать ту атмосферу праздничности нашего труда, бодрости и кипучей энергии, которая отличает людей нашей страны.

Я создавала свой первый концерт с глубоким волнением: всё ли я сказала, что хотелось бы сказать о нашей жизни, наших людях?

Мне довелось несколько раз бывать за границей и видеть, в каких немаловажных условиях живут музыканты в странах, подвизавших под ярмо американского милитаризма.

Я видела расцвет искусства в Германской демократической республике и в странах народной демократии. Я видела молодёжь этих стран, её активное участие в общественной жизни, её борьбу за мир, её любовь к Советскому Союзу. Я видела всё это, и поэтому мне хотелось, чтобы в моём концерте как можно громче и величественнее звучал голос свободного советского человека — творца коммунистического общества, борца и создателя.

Конечно, концерт мой не свободен от недостатков. Эти недостатки я постараюсь преодолеть в задуманной сейчас симфонической поэме, на мотивы горьковской сказки о Данко. Романтический и благородный образ Данко, отдавшего своё сердце для счастья людей, образ, созданный великим пролетарским писателем-туземником на заре революционного движения в России, привлекает меня.

Новый год будет занят у меня, как и у миллионов юющей и девушки моей Родины, большой творческой работой.

Татьяна НИКОЛАЕВА,

лауреат международных конкурсов музыкантов-исполнителей

Татьяна Николаева.

Римма Меньшова (слева) и первый чемпион СССР по конькам заслуженный мастер спорта Людмила Игнатьева.

ЗАДУМАЛА — ДОБЬЮСЬ!

Много радости принёс мне 1950 год. Хочется рассказать о самых памятных для меня событиях.

...Стадион заигрывает ярким светом прожекторов. На трибунах столько зрителей, сколько бывает летом в дни решающих футбольных матчей. В центре заснеженного поля флаги СССР, Финляндии, Чехословакии, Норвегии, Польши.

Лучи прожекторов отражаются на отполированной до блеска ледяной дорожке и фанерах музыкантов. Заслуженный мастер спорта москвичка Мария Исачова поднимает флаг соревнований на первенство мира по скоростному бегу на коньках для женщин. Как мне забыть эту волнующую картину на московском стадионе «Динамо»!

В столпу нашей Родины съезжались тогда лучшие конькобежцы мира. Среди участниц и мы, юные спортсменки: Мина Алдонина из Горького, Наталья Богданова из Ленинграда и я, комсомолка из Калинин. Мы соревновались вне зачёта, так же как и представительницы старшего поколения конькобежцы Людмила Игнатьева и Мария Постникова. Игнатьева стала чемпионом Советского Союза по конькам ещё в 1928 году, задолго до моего появления на свет... я родилась в 1932 году.

Наш конькобежцы, как известно, заняли первые восемь мест, и лишь девятое досталось чемпиону Норвегии Ренди Турвальдсен. Если бы я бежала на правах оспаривающей первенство мира, то Турвальдсен пришлось бы довольствоваться десятым местом.

Знают, я выступила успешно. Даже мой высказательный тренер Владимир Александрович Честной позавидовал мне, что он делает крайнее редко.

И ещё одно событие запомнится мне на всю жизнь. За три месяца до выборов в местные Советы мне исполнилось восемнадцать лет, и 17 декабря в впервые участвовала в голосовании.

В зимнем сезоне 1951 года я взяла на себя обязательство пробегать на коньках 500 метров за 49,5 секунды, 1 000 метров за 1 минуту 44 секунды, 1 500 метров за 2 минуты 48 секунд, 3 000 метров за 5 минут 45 секунд и 5 000 метров за 9 минут 50 секунд. Я надеюсь добиться этих результатов и тем самым получить право на звание мастера спорта.

Римма МЕНЬШОВА,

учащаяся Техникума гражданского строительства

г. Калинин.

Год грядущий

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ!

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ О РОДИНЕ

Николай НОВОСЕЛОВ

Свет над тайгой

Строителям Комсомольска-на-Амуре

Последний лёд ещё синел вдали,
На грёбах воли покачиваясь мерно.
Но первые пробились корабли,
И маяским уходом

люди с «Коминтерна»
По шатким уступам на берег сошли.
Дремучий мир лежал перед глазами.
Поросшая косматими лесами,

Дымилась муть,
И солки на заре
Под облачными плами парусами

В сверкающей росе, как в серебре.
Чувбитый гармонист из Армавира,
Тот даже рот раскрыл, оторопев.

Но с парохода громко нараспев
Раздалось:

— Майна!

Подхватили:

— Выра!

— Даёшь авраа!

И эхо повторило

Ту перекачку первого авраа.

Засёк бьмаи парни с Дона и Оки,

Паскельные прокатчики с Урала,

Мои, с заставы Нарвской, земляки,

И москвичи,

что на подьём легки,

И одесит в бушлате нараспевку.

И кивалыни в вышитой рубашке.

И девушка с лопатой на плече.

Вся брызговая в солнечном шуме.

Их лица обдувало ветерком,

На сапогах

тяжёлой гайки комья...

— За тыщи километров отчий дом,

Последнее напутствие в райкоме,

Прощальный вечер в клубе заводском.

Противящая команда:

— По вагонам!

И на восток уходит эшелон.

— По вагонам!

И в нём поют о Щорсе и Будённом...

Ещё рейкстаг в Берлине не пылаю,

Испанней не бредили подростки,

Ещё бьма Горький жив,

Ещё Островский,

Волнуясь, о Корчагине писал,

Без Ленина уже девятый год

Жила страна,

И зернов рукою

Великий Сталин вёл нас за собою.

Он вдале смотрел.

Он видел наперёд,

Каких вершин достигнет наш народ.

Какое солнце восходит над землёю.

Он знал:

налогот выбранный маршрут.

Враги сильные, немало их на свете.

Иль мы сумеем пробежать столетье

За десять лет,

Иль нас они сомут...

...И торпы ударник, остры.

В кору стоечных кедров над Амуром.

До ноци труд кипела без перекрута.

Стустилась тьма —

И встлкнули костры.

И, раздвинув таволгу рукою,

Нанайский мальчиш,

Смутгай и раскосый,

Смотрел на них с прибрежного откоса.

А свет горела всё ярче над тайгой.

И люди шли, врубаясь в буралом,

Сколотом, бездорожьём — напролом...

Болало туман над медленной волюю

К широкому простору океана...

Здесь был заложен город молодой

По муарому, по стаинскому плану!

Нелёгко нами выбранный маршрут.

Но счастием я,

Что с самого начала

Со мной доныне в памяти живу

Короткий мигишг,

Грохот аммонала,

Велящие слов «Интернационала»

И воздух

тех торжественных минут,

В котором, как прыгая, прозвучало:

«Великой мира будет труд!»

г. Ленинград.

Георгий ЕФИМОВ

Родине

Солнце поднимается с востока,

Льёт на землю шарды лучи.

Песня над покосами звучит.

Иногда проснувшись над осоклой...

Как сердца взволнованы у нас:

Родину от стен Вальдхостока

До Дуная видно в этот час!

Вьхожу я в дымку голубую

На поля родные; предо мной

Рожь стоит, умытая росой.

В степь иду в просторно золотую.

Утреннее свежестью дыша.

Хорошо, что родину такую

Мы имеем. Счастлива душа!

Нас она векормила и вспоила.

Сыновой своей и дочерей.

Родила в боих богатырей.

Молодость отвагой наградила.

На Днестре, на Волге, в Кузунде

Нас Отчизны крепнушая сила

Вдохновляет в радостном труде.

Мы идём, славящем с места горы,

Мы парим спокойно в небесах.

И, взойдя на гибкие леса,

Мы на Волге выстроили город...

На грядит сквозь серку синевы

На несоборимые просоры

Человек любимый из Москвы.

Перевёл с чувашского

Леонид ШКАВРО

г. Чебоксары.

Евгений САПОЖНИКОВ

Черниковск

Город наш моложе Комсомольска.

Но и в эти юные года

Заводские трубы дыма коалца

Вьют, как в самых взрослых городах.

Светам нечи нового завода.

Вьётся стружка голубая на рещач.

Наши лампы солнечным востокон

Светят ярко в хатах и дворцах.

Там, где воздвигаются заводы,

Черниковск напором киалорода

Пламя автотена раскалаа.

Вест зномем свежая извёстка.

А кирпич в печач — ношкой зарил...

Может быть, от спички черниковской

Нынче Стаали трубку прикурю.

г. Черниковск.

Василий ЧАЛАЙ

Над Волгой

Проходили над Волгой века,

Слёзы к морю катала река.

И ло берегу древней реки

С тяжкой песней брели буралаи.

Вдале тянулася просторы полей.

Урожай — для господ-богачей.

Жа помещик, не зная забот.

Жил, не зная отрады, народ.

Проходили над Волгой века,

Слёзы к морю катала река.

Но однажды поднялся народ.

Волга стала светлее в тот год.

Проубудилась от долгого сна

Нобьютная наша страна.

Мы узнали весь радость труда.

Стали мы воздвигать города.

Жизнь счастливая наша цветёт.

Песнь о счастье поёт весь народ.

Обновила свои берега

Наша славная Волга-река.

Поезда над рекою стучат.

Пароходы протяжно гудят.

Лес с Элнета — на Волгу идёт.

Только глянеть — душа ждёт.

Жизнь счастливая наша цветёт.

Песнь о счастье поёт весь народ.

Города над рекою растут.

Светосенные волны бегут.

Украшается наш Сталинград.

Скоро здесь провода загудят.

Заклопочет в турбинках вода.

Новый свет озарит города.

Перевёл с маринского

М. СКОРОХОДОВ

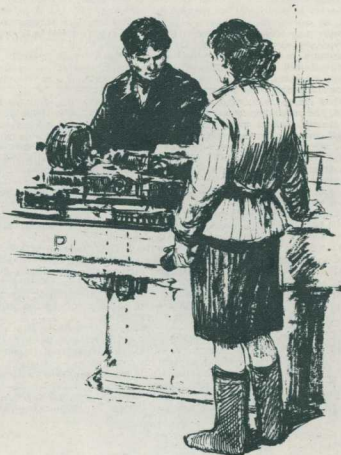
г. Пощар-Ола.

Элнет — приток Волги.

Михайло БИРЮКОВ

ТОВАРИЩИ

Рассказ

Молодой токарь Илько Ковалюк, не обращая внимания на гудок, возвестивший об окончании рабочего дня, продолжает упрямо стоять у своего станка, всё так же внимательно всматриваясь в сверлящую змейку, выходящую из-под реза. Смотрит Илько на стружку, может быть, слишком уж пристально. Прямо глаз не сводит. А всё потому, что рядом стоит стерженница из соседнего формовочного цеха Ганна. Она явно взволнована и говорит, нервно теребя перчатки:

— Илько, пойми, ты всех подводишь... Мы же успелись. Все придет, а ты... Я так мечтала об этом вечере... — он ведь больше один раз в году...

И она отнерулась. А Илько отвечает, не поднимая глаз:

— Я всё понимаю, Ганна, всё, всё. Но пойми и ты меня: не могу! «Не могу! Не могу!» Задала одно и то же... Можно подумать, что земля остановится, если этот вечер — собрали только, какой вечер! — ты проведешь со мной... с нами, с товарищами, друзьями... покраснев, поправила девушка. И, злись на себя, прибавила: — И дался тебе этот процент! А может, ты его уже давно перешлопылкил, откуда ты звещи! Гледи, какой ворох натычки. Может быть, ты уж действительно закончила и мы напрасно скоримся?... Ну, Илько! — Ганна ласково и пренебрежительно улыбнулась.

Илько протряпнул свисток, скучным, тонким движением быстро вынимает готовую деталь, встывает заготовку, включает передатку и попрекнему, не поднимая глаз, объясняет:

— У меня взвешены и рассчитаны каждое движение, каждый миллиметр, каждая секунда. Точный расчёт и кое-какие усовершенствования дали мне возможность выполнить за год три нормы. А уйти, не выполнив последнего процента этой третьей нормы, не могу. Слово дал перед всеми товарищами, комсомольское слово!

— Ну, давай, понимаю, — залакает Ганна и, неожиданно махнув рукой, спрашивает: — Когда же ты закончишь? Может быть, всё-таки успеешь зайти за мной? Может, мне подожждать?

— Не знаю. Через час, через два, а может случиться такое, что и за три не управлюсь... Лучше иди одна, Ганна, не жди, не томись, не мучь себя.

— Ой, мамочка моя! — всплеснула руками Ганна. — Так ты вон о чём? «Не жди, не томись!» Ещё что придумаете! Если я сейчас прошу тебя, так ты не воображай, пожалуйста, что я... Я так, между делом, пришла к тебе, как к товарищу. Думала, чем больше ларей будет, тем веселее. А ты вон что воображала! — и она обижено замолчала.

— Ну какое от меня веселье! — улыбаясь, принирусила Илько. — Так только, для числа... — это ты правду сказала.

— Так не пойдёшь?

— Это — твоё последнее слово? Ты, что же, здесь думаешь Новый год встречать?

— Не закончу — здесь встречу. Раньше не уйду.

— Ладно! — урочающее проговорила Ганна. На минуту она задумалась. — Ладно! — повторила она уже другим, каким-то странным тоном. — Ты запомнишь этот вечер! На всю жизнь запомнишь!

И ушла.

...Смотрит Илько на стружку, может быть, слишком уж пристально.

Было непонятно: пошутила девушка или впрямь рассердилась? Ведь у неё так — не разберёшь. Ну, и не надо!

Однako от разговора с Ганной остался горький осадок. «Нет, Ганна, верно, не придёшь нам не только встречать вместе Новый год, но и вообще...»

Что «не придётся вообще», не дал додумать Вася Богданов, заводичный друг Ильки, слесарь инструментального цеха.

— Труднissime, дружище! Правильно. Работай и не обращай внимания на всякие замечки... — Простедла взглядом, как деталь легла на своё место, Вася продолжал: — Послушай, друг, ты всё-таки реши встретять Новый год у станка?

— Не знаю... Может быть, закоучу раньше... Только переодеться не успею... Да чего вы пристаёте ко мне? Без Ильки не обойдётся! — неожиданно всплыла парень. — Ходят и ходят, только расстраивают... и, не отводя глаз от стружки, принялся вытирать руки ладкель.

— Да ты не серчайся, — миролюбиво проговорил Вася. — Я же ничего...

Я, собственно, исцёт гаустука.

— Какого гаустука?

— Голубого, с искоркой. Я думаю, он тебе сегодня не нужен. А мне как раз к новому костюму. Сам понимаешь, вечер какой, раз в году бывает...

Мог ли Илько отказать в такой мелочи Васе, другу, который не раз выручал его в трудную минуту? Он ответил равнодушно:

— Ну, чего уж там, бери! Всё равно не успею...

— Илько, одно слово — друг! — и деловито добавил: — Ключик?

— Вот... Оставил у соседа внизу.

— Ишь оставил внизу! Ну, желаю тебе счастья! Благодарное по-томясто тебя не забудет. С новогоним приветом!

Церемонно раскланявшись, Вася Богданов величественно направился к выходу.

Огромный цех, слабо освещённый контрольными лампами, был луст. Одна Илько, как и раньше, неподвижно стояла перед станком, ярко освещённый дражжамин светом из-под колапка, висевшего над его рабочим местом. А ворох готовых блестящих деталей рос и рос. И проворничательно его росту таща куча заготовок...

...Стружка вьётся и вьётся. А мысли плывут и плывут.

Вот все ушло, все сейчас переживается в праздничные костюмы. У них так весело, шумно...

На минуту Ильку стало грустно. Но слабость его была мимолётной и вскоре бесследно растаяла в равномерном ритме работы. Ильку чувствовал себя на посту...

А ведь действительно он на посту. На одном из самых ответственных и весьма важных постов!

Ведь в эту студёную новогоднюю ночь пограничники бдительно охраняют рубежи нашей великой Отчизны. Спокойно веселитесь, добрые люди, в эту новогоднюю ночь советские границы на крепком замке!

Сколько заснеженные просторы во все концы нашей необъятной Родины в эту ночь, всё так же гремя и грохоча, бегут поезда. А на паровозах, не снимая сильной руки с реверса, внимательно вглядываются в ночную тьму товарищи машинисты. Корабли львуют тою по куруе — у штурвалов несут новогоднюю вахту советские люди.

«Слышите ли вы меня? — думает Ильку. — Привет вам, привет!»

Потомлённый сонными мыслями, Ильку совсем забыл о времени. И очень удивился, когда его рука, привычно потянувшись за охерздой заготовкой, неожиданно встретила пустоту. Всё!

Завернул Ильку даже не понял, в чём дело, и зачем-то заглянул под станок, где сиротливо лежала запротая деталь. Но мгновение спустя его охватила буйная радость. Точно в срок выполнил трёхгодичную норму! Это же... это ж так прекрасно, что даже выразить невозможно...

Ещё во время обеденного перерыва Ильку попросил мастера помочь, не поднимать напрасно шума. Но друзья... друзья-то уж могли бы поглядеть... могли бы поглядеть, как Ильку держит своё слово... Эх, друзья!

А поделиться своей большой радостью он как хочется! Пусть даже с вахтером у проходной.

— Слышишь, дядя, три годовых нормы, вот!

— О! — искренно удивляется вахтер и с уважением смотрит вслед Ильку, фигура которого тает в морозном тумане.

Хотя, час в проходной показывали около одиннадцати и крепчал мороз, на улицах было необычайно ljudно. Прохожие шли по одиночке и группами, с пакетами и без них, все были побужденны, всем было весело...

«Вот-придёт-но-новый-год!» — казалось, выступавшие каблуки по тротуарам. И чувствовал Ильку, как вместо праздничной приподнятости а его сердце вливается тоненький ручеек грусти.

«Да... думал он... Новый год. А я... один... Эх, друзья! Они же понимают, что один процент надо видеть в масштабе! Один процент — это тысячи тонн стали! Один процент — это тысячи тонн угля! Один процент... Ганна, Ганна, не думай я, что ты такая...»

Сосед, который уже, видно, побывал на близких подступах к Новому году, встретил Ильку очень приветливо:

— Ключок? Есть ключок... Только-только занёс, длинный такой. Спешил, видно... Ты что, только с работы? Да ну! Три нормы, говоришь?

Этого... слушай, человек хороший, я сам рабочий, я понимаю... Ты, вот что, давай быстренько к себе, бегом, умайся, сбрасывай эту робу и одним духом ко мне... Понял? Да ты, человек хороший, долго не думай, время не ждёт... Давай, давай! Три годовых нормы — это понимать надо!

Ильку шёл к себе наверх, беспредельно взволнованный. Вот ведь сосед совсем незадачливый, можно сказать, поторопившийся, а как понимает, как приглашает — совсем как родной! Вот он, настоящий советский человек!.. А друзья!.. Эх, друзья!.. А может быть, и не стоит идти к ним?..

Так, охваченный сомнениями, Ильку дошёл до своей квартиры. Нащупав замочную скважину, он машинально вставил ключ, повернул его, толкнул дверь и... невольно поддался назад. Настрену ему несёс дружный хохот. Ильку подхватились, затащили в комнату, вертели, толкали, целовали...

«Ее, все здесь! И Вася Богданов, и Ганна, и Зоя, и Ивася... Посреди комнаты стояла скромная, маленькая, но такая искристая, такая хорошая ёлочка»

— Понимаешь, Ильку, — попискивал Ивася, помогая товарищу умяться, — понимаешь, это всё Ганна и Вася придумали... и мы с ними... Мигом всё в кофилки и в чеподаны — и айда к тебе... Идём толпой, а люди все на ёлочку огаляются, смеются... Ну, мы ничего, только ослодить боимся. А вдруг ты раньше придёшь...

Через четверть часа Ильку, улыбаясь, перелетел, вместе со всеми приблизился к сияющей ёлочке. Вася Богданов, взяв в руки бокал, начал торжественную речь:

— Товарищи юноши! Товарищи! девушки! Дорогие друзья!.. Сегодня все советские люди подводят итоги своих дел, своих достижений за старый год... Подводят итог для того, чтобы в наступающем новом году добиться ещё больших побед. В эту минуту (Ильку, друзья, тихо!), в эту минуту я поднимаю бокал за лучшего среди нас, поднимаю бокал за...

Но Ильку, догадавшись, что речь будет идти о нём, вежливо, но твёрдо перебил Васю. Звонким, взволнованным голосом он сказал:

— Нет, товарищи, нет! Наш тост не за одного. За мастеров угля, стали, за машинистов, за штурвалы, за тех, кто сегодня несёт новогоднюю вахту!.. Пусть сейчас им будет тепло на сердце... Слышите мы нас, товарищи, соратники наши боевые? Мы с вами! Привет вам, привет!

Тако-тихо, необычайно тихо зазвенели бокалы. Юноши и девушки на минуту привалили, застывали.

Ганна ничего не сказала, Ганна только посмотрела в глаза Ильку. И взгляд её был так ослепителен, так светел, что Ильку даже зажмурился... Ах Ганна!..

— С Новым годом, друзья!

Перевол с украинского
Е. РОССЕЛЬС

Навстречу ему несёс дружный хохот. Ильку подхватились, затащили в комнату, вертели, толкали, целовали...

Молодой токар-поворотник Московского завода имени Орджоникидзе Юрий Дичов.
Внедряет комплексный метод обработки металла, Юрий Дичов в десятки раз сократил время на производство операций.

Фото Г. Борисова

Знаменитый еврейский химик, Страновичского института Лисовиче доктор химических наук профессор Александр Александрович Лисович. Он участвовал в строительстве грандиозного строительства Чира Петрова по замыслам в лаборатории института.

Дар Сталину

Сердце рвётся, в небеса мая.
Вырастают крылья у меня.
Я, как голубь, в сердце понесу
Все надежды солнечного дня.

Пролетая монгольские луга
И моря рибийского песка,
Подой мной — байкальская волна
И шумит сибирская тайга.

К западу намыту в голубизне
Облака со мною наравне.
И земля, великая земля,
С вышины неба открылась мне.

О Урал! Могучий великан!
Ты хребет всего материка.
Волга, широка и глубока,
Русская великая река!

Кружевами тянутся леса,
Весь конца — лесная полоса.
Пролетая колхозный поле,—
Как ковер, цветущая земля!

Я над городами пролетаю,
Где заводы плавил металл.
Заводские трубы, точно лес,
В этом мире сказочный чудес.

Вдруг, подобен золоту в лучах,
Появился город, величав.
На крышах спускался навью,
В орбиту мира, красную Москву.

О Москва, великая Москва!
Кровь кипит, рождаются слова.

Ая Цин — крупнейший современный китайский поэт. Многие стихи Ая Цина, посвященные борьбе за мир, читаются и разучиваются широкими массами китайского народа. Ниже мы публикуем отрывок из поэмы Ая Цина «Дар Сталину».

Я по Красной пащадки мау,
Алые знамена на виду.

Слышен у Кремлевского дворца
Голос вдохновенного певца.
Песню неподкупную свою
Сталину восторженно пою.

Сталин! Я принбе тебе принвет
В семьдесят твоих прекрасных лет.
Этого счастиейшего дня
В целом мире радостнее нет.

Азии дорожк даяски.
ШЕА принвет от Хуанчэ-реки,
А с принветом благодарности шла
И мой сердечные стихи.

Наш народ благодарит тебя,
Славит друга лучшего, тебя.
Ты помог свободу одержать,
Наш любимый Сталин!

Молодежь тебе хвалу тебе,
Шлёт поэт свои стихи тебе,
Ты подобен солнцу в небесах,
Наш любимый Сталин!

Сталин! Ты велик! Храпят сердца
Образ твой, любимого отца.

Ты врагам отдаёшь любовь,
Ты с народами Родины струг.

Мы заботу чувствуем твою,
Вдохновенно черчем в бою.
Как садоник, зорко смотришь ты,
Хорошо ли выросли цветы.

Глубже океанов и морей
Сталинская мысль ил миром реи!
Ты живи в сознании людей,
Солнце гордых сталинских идей!

Сталинеже светлые дела
Вырвал асуды ил парства зла,
Честь и славу прислался они
Миллионам страдающих людей.

Слава Сталину! Поэт сердца.
Ты народам предан до конца.
Сталин! Ты осуществил в борьбе
То, что Ленин завета тебе.

Сталин нас в борьбе объединял,
Сталин нас от смерти защитил.
Империализму не разбить
Сталиным объединённых сил!

Поднялось солнце из-за стен Кремля.
Взгляни, как яшма, алая зрач.
И слышит мир: часы на Спасской баше,
Они о новом времени поют.
Победа — Сталинская Слава — это он!
Свет на планете Сталиным зажгён!
Да пусть живёт он десять тысяч лет,
Великий Сталин — зная всех побед!

Перевёл с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ

В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Н обшное село Воиново лежит между Орлом и Мяском, вытянувшись длинной ушей по обем сторонам шоссе.

Скучным и безлюдным оказалось оно Дусе Жигачёву, когда она год назад приехала сюда после окончания библиотечных курсов. Но это первое впечатление быстро исчезло. Едва Дусе приступила к работе, как у неё стали завываться знакомые, друзья. Библиотека, расположенная в клубе, скоро стала местом, где по вечерам собираются колхозники. Но больше всего тянется к ней молодежь. Дусе может навстречу не одну девушку, стеснящую комсомолок и активистку благодаря книгам. Вот, например, Настя Болгова. Она всегда держалась как-то в стороне, была застенчивой, скрытой. Все считали, что Настя никогда не будет общественной. Закончив семилетку, Настя пошла работать в колхоз, однако и здесь не забвела себе поугар.

Настя очень любила книги. После работы она обычно спешила домой и долгие часы проводила за книгами. Герой ей, как sempre близкие друзья, подкапывали нужные книги, учили жить.

Когда Настя прочла роман Е. Мальцева «От всего сердца», её так изволновала судьба Грании Васильевой, восточниц из дальнего атайского селения, что она предложила деушумам своей бригады читать эту книгу вслух во время обеденных перерывов. Слышать повесть об атайских комсомольцах приходила и из других бригад. Многие тогда захотелись быть похожими на Гранию Васильеву, и, пожалуй, в пер-

вую очередь симой Насте. Тогда она впервые серьёзно задумалась над своей судьбой. «Как же так,—думала она,—хочу работать, как Гринуя, хочу быть такой же упорной и настойчивой, я до сих пор ещё не комсомолка, стою в стороне...»

Заведующая сельской библиотечкой Дусе Жигачёва заинтересовалась Настей. Когда та пришла менять книгу, Дусе завела с ней разговор.

— За хорошую работу вылезла ты, Настя,— сказала она,— но её нужно довести до конца.
— Да я и не бралась,—отпекивалась Настя.— Это просто так. Интересно было, вот и читала.

— Нет, неверно,—наставила Дуся.— У тебя просто тылган, и ты обязательно должна продолжать это дело.

Такая уж Дусе Жигачёва настойчивая: упорно рила девушку. Тут же вместе решили, какую следующую книгу Настя будет читать в своей бригаде.

— А я приду к вам, послушаю,— сказала на прощанье Дуся.

Дусе Жигачёва использовала самые разнообразные формы продвижения книги в массы. Вместе с комсомольской организацией она устроила литературные вечера, лекции, коллективные чтения в полеводческих бригадах, проводит беседы, оборудует книжные витрины. Сейчас с активом библиотеки Дуся готовит читательскую конференцию на тему «Образ молодого колхозника в советской литературе».

На собраниях, где обсуждалось постановление IV пленума ЦК ВЛКСМ, комсомольцы

решили организовать для колхозов библиотечки-передвижки, показать диафильмы о Ломоносове, Тургеневе, Пушкине, Горьком и Маяковском.

Книга в волжских колхозах стала другом, советчиком, помощником. Слава — это он! Свет на планете Сталиным зажгён! Да пусть живёт он десять тысяч лет, Великий Сталин — зная всех побед!

Настя хочет знать, что читают колхозники. Наряду с карточками комсомолок Беатрикс Красникова, Ивана Горбатова, Марии Наукиной, Валы Сорочковой, Марии Амелиной она просматривает и формуляры семидесятилетнего колхозника Емельяна Аммосова Родина, колхозники Марфы Павловны Новиковой, сельского ветеринарного врача Федора Никифоровича Камышева и другие. Это всё её слушает. У каждого из них в формуляре записаны произведения Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, книги русских и советских писателей.

Более трёхсот читателей имеет волжская библиотека. Колхозники много читают, востому выбрать книгу для коллективной читки не так-то легко. Обычно Настя читает вслухи. Вечером колхозники собираются в читальне за большим столом, где лежат газеты, журналы, брошюры. Здесь уютно, чисто, и это способствует к взаимному, спокойному уславлению.

ИЗЫСКАТЕЛИ НА ВОЛЖСКИХ БЕРЕГАХ

БЕСЕДА С ГЛАВНЫМ ГЕОЛОГом СТРОИТЕЛЬСТВА
СТАЛИНГРАДСКОЙ ГЭС В. ГАЛАКТИОНОВЫМ

Гидрологи тщательно изучают скорости течения Волги в районе будущего гидроузла.

Испокои веков, — сказала в беседе с корреспондентом «Смена» тов. В. Галактионов, — в начале ноября, когда туманная и хмурилась осенняя Волга, весь флот торпосил в затоны. Корабли укрывались от непогоды, от волжских осенних бурь и галлов — от «садов» — мезкого льда. Ведь, если пароход, катер или баржа окажется в массе этого «сада»: мехкие льдинки способны, как ножом, разрезать борты судна.

И вот когда навигация уже закончилась, когда весь флот укрылся в затонах и только редкие запоздавшие пароходы пробирались по реке, торпосия в укрытия, вдруг на Волгу вышел целый караван.

Между тем пароход причалил к берегу в том месте, где небольшие домики посёлка прилепились к жёлто-серой земле. Капитан сошёл на землю и не спеша направился к нам. Мы давно уже ждали прихода каравана. На берегу стоял Леонид Александрович Привлотец — начальник Сталинградской изыскательской экспедиции, Роман Константинович Гусаров — начальник геологической партии, Татьяна Ивановна Аутохина — старший геолог партии, Леонид Павлович Егоров — наш топограф — и я.

Нам нужно было очень точно, с помощью теодолита, расставить баржи в русле Волги.

В тот же день к вечеру закончилась эта трудная работа. Баржи стояли попарно, протянувшись от одного берега до другого. Между двумя баржами, крепко сцепившимися между собой, рабочие складали настил из брёвен, на настил установили буровую вышку, на дно реки опустили осляную трубу. По всей реке началось бурение скважин. Нишей экспедиции было поручено срочно дать сведения о геологическом строении коренных пород в русле Волги. Для этого-то и понадобилось нам осенью вывести из затонов караван судов. Это было рискованное предприятие. Но этот риск был вполне оправданным.

Летом 1950 года на волжских берегах появились первые строители. На пароходах, баржах, по железным дорогам в Сталинград со всех концов страны прибывали машины, оборудование, лес, металл, строительные материалы. Уже заложён город, в котором будет жить многоотраслевая армия строителей, прокладывается первые дороги... Великая стройка началась!

Задолго до начала стройки сюда пришли изыскатели. Несколько сот человек — геологи, гидрологи, топографы, грунтоведы, химики — до конца строительства будут работать здесь не покидая рук.

Что же это за изыскания? Прежде чем ответить на этот вопрос, мне хочется рассказать о тех случаях, когда исследование рек не имеет серьёзного значения, и какой ценой приходится за это расплачиваться. После этого станет понятной великая роль работы геолога, гидролога, изыскателя.

В Калифорнии, в 60 километрах от Лос-Анжелоса, была построена плотина. Она перегородила реку и создала водохранилище ёмкостью в 47 миллионов кубометров. Плотина эта, получившая название Сент-Френсис, была построена из литого бетона. Американские инженеры уверяли, что это сооружение выдержит любой изпор воды. Американские газеты хвастливо писали, что это «могучейшая», «коLOSSальная», «грандиознейшая» гидроэлектростанция.

Но вот в полночь 12 марта 1928 года над речной долиной пробежала ужасная треск. Рушилась гигантская плотина. Вода рвала бетон, как намазанный картон. Плотина, разломившись на отдельные бетонные глыбы, рухнула в воду. Она крыла плотины Сент-Френсиса была провалена разбухшейся рекой. И водохранилище было опорожнено в какие-то мгновения. Скорость потока достигала при этом 30 километров в час. Волны выдымались к ночному небу на 20 метров. Это было впоследствии вычислено инженерами. Очевиднее не осталось: погибло более 400 человек.

В чём была причина катастрофы? Инженеры действительно построили прочную плотину: литой бетон — достаточно крепкий материал. Но дело в том, что американские геологи не провели превентивно всех нужных изысканий. Они лишь определили, что плотина Сент-Френсиса опирается на вулканические туфы и сландитые сланцы. Это были прочные, выходящие для строительства тяжёлого сооружения породы. Геологи обрадовались и прекратили разведки. Однако они не знали, что между туфами и сланцами скрывается крупная трещина, заполненная обыкновенной галитной. Вода постепенно вынесла галит, размыла, расширила трещину, потому и произошла крушение.

Только за последние 50 лет в различных странах мира произошло свыше тысячи серьёзных аварий гидротехнических сооружений. И причиной в большинстве случаев было пренебрежительное отношение к работе геологов и гидрогеологов. Катастрофы-предприниматели экономили на изысканиях.

В нашей стране каждая гидротехническая стройка осуществляется на основе длительных и тщательных изысканий. И хотя в СССР ведётся грандиозное строительство, мы с гордостью можем сказать, что на наших крупных гидротехнических сооружениях не было ни одной серьёзной аварии.

Вот почему с такой настойчивостью в стужу и непогоду работают на волжском берегу сотни изыскателей, изучая глубинные тоаши земли, изучая пороки, лежащие на десятках метров под землёй, исследуя воды реки Волги.

Изыскания, связанные со строительством Сталинградской ГЭС, охватывают огромные пространства. На автомобилях и самолётах, на катерах и лодках, на верблюдах и ослыхах,

Великие строители
КОММУНИЗМА

а иной раз и просто пешком отправлялись наши геологи и за сто, и за двести, и за шестьсот километров от Сталинграда.

Прежде всего геологи должны изыскать строительные материалы, которые в гигантских количествах потребуются строительству Сталинградского гидроузла. Понадобится очень много песка. Крупнозернистый песок входит в состав бетона. А так как бетона для строительства потребуется около 7 миллионов кубометров, то песок надо самое малое 4 миллиона кубометров. Мы нашли крупнозернистый песок и нашли его в Сталинградской области, что очень важно: не придется такую массу грунта перевозить по железной дороге.

Но нужен ещё мелкозернистый песок, который идёт для намыва тем же земляной плотиной. Такого песка потребуются до 40 миллионов кубометров. Этот песок встречается чаще, но тут другая трудность: запасы его должны находиться возможно ближе от места строительства. Наши геологи обошли все окрестности и успешно решили и эту задачу. Нужный песок находится на песчаных островах Волги. Значит, все эти острова вносятся просто-напросто перекочуют в тело плотины.

По всему фронту плотины большим слоем ляжет ещё один материал, гравий — мелкие камешки вечною с голубиное яйцо. Его тоже нужно очень много. А в Сталинградской области гравия в нужных количествах нет. Наши геологи разведали запасы гравия далеко на юге, близ Армавира. Так постепенно раздвигаются границы влияния гигантской стройки.

Только для поисков стройматериалов нашим геологам пришлось забираться и в Донбасс, и в Краснодарский край, и в другие области. И это не мудрено: ведь наша плотина будет в несколько километров длиной, а ширина её позволит проложить магистральный железнодорожный мостовой переход. Эта плотина должна быть чрезвычайно прочной и массивной, чтобы выдержать напор волжских вод. Кроме того она создаст огромное водохранилище — новое «Сталинградское море», которое будет в несколько раз больше самого крупного из наших искусственных озёр — Рыбинского водохранилища.

Помимо разведки грунтов, стройматериалов, нам было поручено изучить весь район будущего «Сталинградского моря». Летом на дне «Сталинградского моря» отправлялись большие партии геологов во главе с Мстиславом Егеньевичем Фуксовичем. В этой партии было много молодёжи: пятеро студентов-практикантов Московского университета и техника и геологи, недавно окончившие институты.

Трудная, но увлекательная работа! На будущем «море» будут бурить огромные волны. Волны начнут размывать берег. Они образуют новую бровку берега. Геологи должны уже сегодня увидеть эту новую линию, чтобы заранее можно было предусмотреть судьбу строений, которые окажутся у большой воды. Геологи должны сейчас увидеть в будущем. Увидеть, к примеру, высоту будущих волн и то, что они будут в бурную погоду представлять опасность даже для крупных теплоходов, которые пойдут по «Сталинградскому морю». Для этих судов надо уже сейчас наметить порты-убежища, где они смогут укрываться в непогоду, наметить места, где встанут высокие морские маяки.

Коллектив Сталинградской экспедиции сделал уже очень много. Наши геологи и гидрологи прошлись по трассе Сталинградского магистрального канала, который, пройдя через степи и пустыни, свяжет реку Волгу с рекой Уралом, они стояли в пустыне, где сегодня нет ни растительности, ни воды, ни человеческого жилья и где возникнет прекрасный город будущего. Наши буровики пробуряли сотни скважин и в долине Волги, и на дне будущего «моря», и на трассе будущего канала, и во многих других местах. Наши грунтоведы и химики сделали в лабораториях тысячи анализов, определяя качества подземных вод и строительных материалов.

Первый период наших изысканий уже закончился. Мы дали инженерам-проектировщикам сведения, необходимые для их работы. За эту зиму они закончат проектирование сооружений великого Сталинградского гидроузла. Весной 1951 года по этим проектам начнётся строительство Сталинградской гидроэлектростанции.

Но уже сейчас, в эти декабрьские дни, в районе будущего строительства царит большое оживление. Куда девалась недавняя тишина этих пустынных мест? К строительной площадке поднимаются удобные дороги; завезён лес для рабочего посёлка; составлен проект на левый берег Волги для нового городка строителей; заканчиваются очистительные работы в русле реки Ахтубы, чтобы с началом весны можно было пропустить плоты к строительной площадке электростанции.

Со всех концов страны народ шлёт Сталинграду свои дары — новые машины, сложное оборудование, строительные материалы. Коллектив Котельниковского кирпичного завода для строительства Сталинградской ГЭС полтора миллиона кирпичей, изготовленных сверх плана; кутиевский завод «Горняк» отгрузил первую партию насосов для Волжского гидроузла; из Москвы прибыли первые автомашины ЗИС-151; из Одессы — мощные автокраны; с Урала движутся к нам составы с землессосами, плавающих экскаваторами и другими мощными машинами.

Советские заводы изготовляют исключительно сложное оборудование для строек коммунизма. Работа человека на строительстве Сталинградского гидроузла будет облегчена до предела.

Пройдёт немного времени, и десятки тысяч советских людей придут к стенам города, носщего имя великого Сталина, чтобы внести свой вклад в создание величайшего Волжского гидроузла, приближающего нашу Родину к коммунистическому завтра.

Техники-геологи отбирают образцы породы на правом берегу Волги.

Тысячи анализов делают химии, определяя качество и состав подземных вод и строительных материалов. На с ним иле инженер-химик Комсомольца Нина Кузнецова за работой в лаборатории.

Фото А. Маклецова

Фото А. Узьяна

Геологи извлекают образцы грунтов, лежащих на глубине десятков метров, и подвергают их всестороннему исследованию. На снимке: инженер-геолог Виктор Волков и лаборантка Нина Назнова составляют описание образцов грунтов.

Несмотря на суровые морозы, здесь, в сталинградской степи, царит большое оживление. День ото дня разрабатывается фронт работ. На снимке: экскаватор за прокладкой подъездных путей к строительной площадке.

**Великие стройки
КОММУНИЗМА**

Сергей НИКИТИН

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ...

Рассказ

Долго Кириوشка следил за ней, опершись плечом на горячий от полуденного солнца ствол ветлы...

Кириوشка спал, волея раскинувшись в тени старых ветел, когда на покосном стане появилась Зойка. Косцы видели, как она, осаживая носсадынную лошадь, спустилась по крутовому в воду и поплыла к ним.

— Моста тебе нет — в самую быстрину-то лезешь,— ворчило встрети её старик Выхрев. Он сидел на земле и, прижимая к груди круглый хлеб, крошил его ложком.

— Почему, тут скорее. А где Кириوشка?

— Кириوشка-то? Вои под ветлами дрыхнет,— махнул старик рукой, в которой держал нож.— А на что он тебе?

— Надо! — коротко ответила Зойка и, сильно хлестнув лошадь длинными новыми прутами, дала ей крутой рысью.

— А, это ты! — сказала Кириوشка, разбуженный довольно чувствительным ударом прута по голым ногам.

— Новость знаясь? — спросила Зойка. Она села рядом с ним и, вскинув загорелые, по-девчачьи тонкие руки, стала поправлять свои желтые, как свежая солома, волосы.

Кириوشка терпеливо ждал.

Было слышно, как в траве эвент кузнечики... Опесневая знойная тишина... И вдруг, разбивая её, один за другим стали падать полновесные удары сигнального колокола: бом... бом... бом...

— Ну, рассказывай, что ли, какая там новость,— нахмурился Кириوشка.— Пора мне.

Новость была такая, что кириошкины брови поползли вверх, а лицо его, обычно степенное и суровое, осветилось радостной улыбкой.

Ещё весной, когда семь колхозов Новогоравского сельсовета объединились в один и этот новый колхоз, ирочивший миллионными средствами, ощутил прилив свежих сил, начался бить деревни Ниюшка постройками гидростанции. Над волнистым стремнем Тезы быстро вырос крепкий сруб, на берегу лежали груды белого камня, приголовленные для плотины, но колхозникам этот тем работ показался всё же недостаточным. Давно уже всем надоела чадная керосиновая лампа, ставшая чем-то неудобным обидным с тех пор, как пригородный сокох, куда совершалась экскурсии со всего района, полностью электрифицировала своё хозяйство. Однажды секретарь райкома Каркасов пообещал организовать на строительстве гидростанции воскресный городской комсомлец. С той поры председатель колхоза Аграфена Гольцова — женщина, отмеченная многими наградами, известная по всему району своим напористым и независимым характером,— методично, изо дня в день звонила в райком:

— Ну, как, обещанный три года ждут?

И каждый раз Каркасов спокойно отвечал:

— Хорошая погоverka. Возбуждающая.

В то утро секретарь позвонил сам. Зойка сидела в правлении и слыла трубку. В трубке раздавался сразу несколько голосов. Зойка безошибочно выдвинула из этого хлеса спокойный голос Каркасова, хотя впервые слышала его по телефону.

— Готовьтесь,— говорил секретарь.— Завтра придут. Да, утром, рано утром... Питание на троих человек. Три-ста,— повторил он, чуть повиснув голос.

И, так же внушительно раздвигая слог, Зойка сказала Кириошке:

— Три-ста. Собери всех комсомольцев, которые у вас тут на стане есть,— и утром на гидростанцию. Поляк? Бригадиром у вас кто? Выхрев? Ну вот, скажи ему: мол, так Аграфена распорядилась. Будем с городскими работать.

Зойка отыкала от ветлы лошадь, повела её в паводу, но через несколько шагов остановилась и помыслила к себе Кириошку.

— Я вот всё думаю,— неуверенно начала она,— чем бы их встретить. Ну, Аграфена, конечно, там молоко, сметана, хлеб готовят... ещё чего-то, не знаю, и обшем. А мы-то, комсомольцы, чем своих встретим?... Вдурт она сильно хлопнула Кириошку по плечу.— Говорит, ты рабочие места знаешь? Пойдем, наловим гостям на уху. Фросс Подлывана, знаешь, какую уху варит?!

Зойка прищипнула языком и засмеялась. В другой раз засмеялся бы и Кириошка, но сейчас он переживал мучительные сомнения.

— Косить ведь мне,— уныло сказал он.

— Ночью-то косить?

— Ах, ночью? — обрадовался Кириошка.— Пойду.

— Стенить — ждем. Я всё приговарюю.

Долго Кириошка слезал за ней, опершись плечом на горячий от полуденного солнца ствол ветлы. Вышел он, как, оббывая ласковой рукой лошадь, пересекла она реку, как вымакнула на крутовом и поскакала сначала вдоль берега, а потом по дороге к деревне, взвизав за собой серую пыль.

«Была и лет, слезу приснилась,— подумала Кириошка и пошёл за косами на нут, где уже слышалось тугиее выхревое:

— За-ло-о-ди-и-и-и!

Зойкина мать умерла от родов. Зойке от неё достались большие карие глаза, затененные длинными ресницами; от отца — мягкие, как шелк, волосы цвета свежей соломы. Отец был бесплодным человеком. Не сиделось ему дома. Начавшись в городе разнорабочим, долго платничая на московских стройках, потом работав кондуктором в поезд, проскакал до Тихого океана и, вернувшись, решил наконец пожить в родных местах.

Через два года началась война; отец ушёл на фронт. Жить, как и прежде, Зойка стала у тетки своей Аграфены. От тетки она узнала и о смерти отца.

— Убит он, Зоюшка,— говорила Аграфена, покачивая её на руках, как маленькую.— На мальчужерской границе...

Далеко на Запад прошёл он нездравым, а погиб где-то на Востоке, когда уже близок был конец солдатским походам...

Всю ночь Зойка не ложилась спать. Кружные слезинки свивались с её ресниц и падали в оставший чай. А с бладеющей и чадной старого чайного сервиза гадядела на Зойку полустёртые лица китанков в цветастых халатах, с зонтиками в руках, напоминали о далекой, чужой земле, которая приняла на вечный покой светеловослого русского солдата...

Прошла ночь, прошло ещё много ночей, бессонных, а слезы, в горе... и даёшь, солбанительно подним маленькими радостями жизни. Шумно и радостно хлопотала Аграфена, ставшая председателем колхоза, вернулась из армии её жених — молодой загорелый лейтенант с седной в

вскак—приводил гости, смеялся, леги, пила, была она stærь-чашки и блюда с народными китаянками, приходила соседский мальчишка Киришка и прямо с порога кричал на нас избу:

Зойка, вань храк забор асында, нашу смордуну миге! Иди, гони своето зряка...

Она вышла и долго гоняла по двору вместе с Киришкой перепуганного хряка. Потом Киришка спросил:

— Ты что всё кислая какая-то ходишь? Отца жалко, да?

И, увидав, что по вывалке зойкиной щекс слышала слеза, преодолел извечное мальчишеское презрение к девочкам, повел её в пойма, накоряма сочной, переспелой ежиковой, показал, где прошлой осенью поймали бреднем трёхпудового сома, рассказал, что сом был слезой и аськ, как створе бревно, облеплен ракушками. На другой день она сама пришла к нему и попросила:

— Пойдём в парку за орехами, а ты боюсь одна.

Теперь она аседу ходила за ним, вылезая стили наменшка мальчишек. Оливкам Колька Дымов долел её до слез. Киришка не спеша подошёл к нему и предупредил:

— Что тебе больше не было, Поня?

К удивлению и удовольствию Зойки, высокий, сильный на вид Колька испугался маленького Киришки и, оправдываясь, пробормотал:

— Да это не я...

Киришка не шёл в рост,—был присутств, чуть сутуловат и широк в плечи. Зойка, выросла, становилась, мальчишеской сообраз. Ножкиданно заметила, что Киришка стал чуждаться её. Началось это с прошлой весны. В июле она села рядом с ним, чтобы следить за чтением по его книге. Всегда расстриженные волосы её коснулись киришкиной щекс. Вздрогнул, он отодвинулся, покраснел, а в перемену ушёл на другое место. С тех пор и она общалась с Киришкой только по делу, хотя издали и приглядывалась к нему пылливо и недоумевая.

— Что ж ты, вроде уж и не дружишь с Киришкой-то? — спрашивала Зойку её подруга Фрося Поляванова.

— Почему? — пожимала плечами Зойка.

Вечером на берегу у костра собралась Зойка, Киришка, Вася Воронко, Фрося Поляванова и Колька Дымов. В темноте почему-то всегда хочется говорить полупёлотом. Так и говорила Фрося Поляванова, подсев близко к костру:

— Зават выдвали? Ветер к ночи вымрет повальный. Ничего у нас не выидет.

— Выидет,—возразил Киришка.—В ветер рыба тоже идёт. Иной раз и в погоду её нет.

— Без рыбы никак нельзя. До утра будем лазить — не уйдём,—решила Зойка.

— Вот платину построим,—сказал Киришка после короткого молчания—вода поднимется, рыба в этих местах ещё больше будет.

Фрося шумно вздохнула:

— Когда ещё её построит...

— Теперь уже скоро.

В разговор вмешалась Зойка:

— Аграфена говорила, что теперь всё хозяйство занаво будем ставить. На молотье — электривство, на ферме — электривство. Электривдойк наладим... Ребята, это же великое дело — гидростанция, а? Зимой я была в пригородном совхозе, видела там электривдойку. Да чего легко! Я сама доярка, а знаю...

Зойка протянула к костру свои узенькие ладони, и все невольно посмотрели на них.

— Я обязательно куплю электрический уют,—сказала Фрося.

Киришка и Колька презрительно усмехнулись, Вася тоненько засмеялся, во Зойка взяла подругу под защиту и авторитетно заявила:

— Чего вы понимаете? Вам белая не галдит.

В широким залатанным брюках, она сидела, обхватив руками ноги и положив голову на колени.

— А ты что, босиком собралась лазить? — спросил Киришка, взгляну на её босые ноги.—По отосам пойдём, там камешки да ракушек до чёдра. И на этот случай всегда ланты держу. На вот, возьми.

И он поспешно стал разуваться.

— Не надену я ланты,—решительно сказала Зойка.—Тоже лантинцу надела!

— Обдерёшь ноги, смотри.

— А ты?

— Ничего, у меня кожа задубела, как ремень. Возьми! — В голосе его ясно послышалась просительная нотка.

— Ну ладно, давай. Хороши туфельки! Как их тут привязывать-то? — смеялась она.—Ой, какие огромные!

Кое-как Зойка обулась. Потом она попросила Киришку заставить дров: придётся много лазить по холодной ночной воде. Киришка сказал «сейчас», но продолжал сидеть, размоёрный жаром костра. Ночь, насыщенная пыльными запахами пойма, река, прохладно дышавшая из темноты, зойкины узенькие ладони, порыв, в котором она протянула их к костру, сама Зойка и то большое, радостное, что готовилось завтра,—нет, давно не было ему так хорошо! Киришка сидел, полузакрыв глаза, улыбаясь, мерно покачиваясь из стороны в сторону... Да, хорошо!

— Весьёлый завтра день будет,—говорила между тем Зойка,—триста человек, а? Фиджестер... Она дала спички к костру, положила под голову руки и мыслительно промолвила: — Фрося, а Фрося! Пойдем в город, в электротехнический техникум. Теперь свет у нас будет — можно по вечерам готовить. Выучимся, вернёмся на нашу гидростанцию... «Здравствуй Техник Зои Поляванова... Ха-ха-ха! Здравствуй широким лицом своим.

К К убрёе я не очень способная,—призналась Фрося, улыбаясь широким лицом своим.

— А я поеду!

Киришка стремительно поднялся.

— Сложу за дровами,—сказал он, зевнув по возможности равнодушно.

«В отта — бродячая,—думал он, остревенно ломая в ближайшей гриве сухостой, — Вот уж и тинет её кула-то. И уедет, даго радумывать не будет. Такая уж... Лишь бы в голову воробле!»

Притаивше оханку дров, он бросил её у костра.

— Пора идти, поднимайтесь.

К полуночи действительно проснулся ветер. Волгаый и тяжёлый, он крутыми алами напирал с юга; по поймае пробегал прерывистый шум листьев. Река была в берег. По небу поймае скользили клочковатые тучки. Они то обволакивали серник луны белесой музью, то выдого открывали её, и тогда попереёк реки ложился алунивший на волнах серебряный блик.

Поддерживать костёр Киришка оставил Васю Воронка, худенького, бледнолицего мальчишка с шапкой курчавых чёрных волос, и рыбаковы разошлись по-двое, несли бредни и корзины. Зойка шла с молчаливым и добродушным Колькой Дымовым, Киришка — с Фросей. Хотел бы он пойти с Зойкой, да рост не позволял: обязательно в паре должен быть один высокий, чтобы ходить в заброд. Светлый ялик песчаной косы был асно виден на фоне спокойной реки. Под ногами прохрустывал песок. Ветер приносил из покоечного стана обрывки песни, говора, смеха. Разматывая бредни, Киришка кричал:

— Ты, Фрося, здоровая. Тебе бы в заброд надо.

— И пойду,—отвечала девушка.

— А если течением стянёт?

— Не стянёт, во мне асуд много!

— А плавать умеешь?

— Немного.

Первой же тоней выволокли на песок трепещущую грудку тоасто-спинных азей. В коровне долго слышалась их приглушённая возня.

Утром погода не затихала. Ветер катил по небу пухлые облака, они гуделись на горизонте, освещенно блеле воет лучами раннего солнца. Умывшись из бочки, Киришка вышел на улицу. У краевой избу уже

Киришка побоялся зимы. Зойка стояла на опустевшей песчаной носе, повернувшись лицом к ветру...

стояли три машины. Из кузовов, придерживая развесающие юбки, с видом пригласили девиц. Ребята помогли им, подавая руки.

— Здравствуйте! — сказала Киришча.
Высокий парень в морской телняшке отвесил ему низкий поклон, причём густые тёмные волосы упили ему на лицо. Он отбросил их назад резким движением головы.

— Не вы будете председателем доклада?

— Нет, — серьёзно ответил Киришча.

Все вокруг засмеялся. Парень поклонил Киришчу по плечу свальной рукой.
Ну, всё равно, показывая вам Днепрозск.

Киришча почувствовала в левом озорника-балугара, с которым легко пошла впрод, и насторожилась.

— Познакомимся, — говорил парень, встряхивая киришчиную руку. — Зовут меня Пряхин Иван. А тебя?

— Кириш.

— Ну, пойдём, посмотрим, Кириш, что ты там натворила.

Деревя стояла на высоком пригорке, а внизу дукали узкими рукавами текла река. Поперёк одного стога сруб задвинули гидротанки. Солнце вылило из сосновых брёвен смолу, и на них висело множество золотистых-жёлтых капель. Предполагалось вострой рукав перевернуть лопатой и поднять воду, которая, затопив первую косу и часть дуга, образовала бы большой водопад.

— Значит, закрудку будем строить. Добре! — сказал Пряхин. Он всё больше и больше нравился Киришче. Намешки его были не злобны, а черта красивого чистого лица проглядывала что-то мягкое, доброе.

Продолжая прервать Киришчу, Пряхин топа густою, и ветер носил над поймой её нестройный говор. В стороне бухал оркестр.

— Девочки, девочки! — вырвался из общего шума пронзительно-стройный голос. — Смотрите, сколько ромашек! Рвите скорее!

Кирюшка вдруг стало очень весело от этого крика восторженной горожанки ещё потому, что он увидел Зойку.

— Иди сюда, — позвал он её.

Увидев Зойку, Пряхин изобразил на лице смугление, притворно пошатнулся и обхватил руками схватился за сердце.

— И много у вас в деревне тихих? — спросил он.

— На городских женщин зават, — улыбнулась Зойка.

— А ты обязательно за городского хочешь?

— Да уж какой полюбится.

— Побочек выйдишь, — посоветовал Пряхин.

— Кто-то несомно перебрал лады гармонки.

— Давай, давай! — ободрили его сразу несколько голосов.

Раступился народ!

Меня плышка берёт.

бархатно проёлся Пряхин и проёлся на носочках, сосуну одну руку перед грудью, а другую свободно откинув в сторону.

Их-их-их! — подолзали его из толпы выигнанным голосом.

Зойка, словно из замочка Киришчу, Пряхин отстранила его с пути и, подбоченясь, выскользнула в круг. Пряхин отпрянул перед ней, упав на одно колено, широко распахнул руки. Она уперлась, повела плечами и, не говоря смеющихся глаз с Киришчу, пошла вокруг него в медленном танце. Киришча давая горячей воде тел откинул себя назад, постоял несколько минут, потом пошёл, не отпуская, пытаясь гармоникой стельбе ромашки. Он спустился к реке и сел там у самой воды. Обода давила ему горло. Босой ногой он стаскивал с берега гудки песку, несом осыпая в воду с тихим бульканьем. Оркестр играл что-то широкое, плывающее, как течение большой реки, отъезжаемое в Киришчу острой густою.

— Эх-м! — вздохнул он и закрыл глаза.

— Парень! Чего делаешь? — раздался над ним голос Пряхина.

— Воду толку, — поворачивая Киришчу, не открывая глаза.

— Паль идёт?

— Нет.

— Ну, толки ещё!

Рядом засмеялась Зойка. Киришча обернулся. Она стояла, засунув большие пальцы рук за пояс юбки; глаза её шуршили, играли намешивающимися огоньками.

— Не слышишь, сигнал был? Встанай работай.

— Нам работать не привыкать. Вот посмотрим, как городецкие, — отвел Киришча, закатывая штаны выше колен.

— Что же ты штаны-то загибаешь? — не удержалась, чтобы не пошутить Пряхин. — Давай-ка рукава!

И он завернул рукава своей телняшки, открыв красивые, мускулистые руки.

На плотине тужило ужо конёр. Вода перекатывалась через свай, кружа, несла пыльную комья грязно-белой пены, какой ветер не срывал их. По шатким мосткам комсомольцы таскали на носилках камень и землю, ссылая всё это между двумя рядами свай. Пряхин и Киришча встали по обеим сторонам высокой гряды известкового камня.

— Девушки, девушки, подожди! — кричал Пряхин. — Поиную не накликаемо. Не надорвётся.

Сафоро он сел телняшечку и повзвал его голову, чтобы волосы не падали на лицо. Спины и груди его, ещё не тронутые заратом, блестяли от пота. Возле него не стояла единственная очередь носильщиков, а другие Киришчи и других грузчиков. Не давая носильщикам ставить носилки на землю, Пряхин быстро, но плавно калал один — два тяжёлых камня, и носильщики уезжали. Из идущейшей группы, поблбавшая на солнце, вдруг брызнула косяк дождя.

— Хорошо! — кричал Пряхин. — Ребята, пойдём!

«Вот это парень!» — повнуор думал Киришча. «А я что!» — и видел, как Зойка, минуя его длинную очередь, бежала с носилками к Пряхину.

А Зойка, вёстро расчесывая волосы, взлетела, косышками, шумела и двигалась, смеялась и пела. В радости была гудящая лезвием, и в ободанный перерыв Зойка угощала комсомольцев горячей ухой.

В сарафане, откровеннее её мощные руки, она стояла в облаке пара, валившем от котла, и радужно угощала:

— Купайте, гости, не обжайте козлов.

— Что вы, тетенька! Эдак заливаться можно. Уж избавьте от этой трудновости, — отказывался Пряхин.

Когда комсомольцы, утомлённые работой и плотным ободом, легли отдыхать, Киришча снова увидела Зойку и Пряхина вместе. Они шли к плотине.

— Пойдём пить, я знаю родник, — позвала Зойка Киришчу.

Он и в самом деле почувствовал жажду.

Прошёл по мосткам над плотинкой.

— А здесь, видно, рыбы много. Сегодня в ухе крутина попадалась, — сказала Пряхин. — Как это вышло? — спросил он.

Зойка и Киришча скромно промолчали.

Пробираясь по узкой тропке вдоль берега, спустили двух чибисов. Один опустился на маленький песчаный островок, а другого ветер рванул в сторону и потянул за собой, то отнесло кидая к земле, то косяк уносил вправо. Чибисы залезли, борясь с ветром.

Дно родника было выложено мелкой галькой. Она свернулась и перекатывалась; было видно, как из-под неё вылетают маленькие киды. На воде белесой поволокой лежал холодный туман.

Словно зеркало запотело, — сказала Зойка. Она пригрозилей зачерпнула родниковой воды и стала пить. Простывалась между пальцев, в родник падали званые камни. — Фу, губы ломит, свек нел!

— Да! Мне из твоих рук выпить, — попросил Пряхин. — У меня вот болит, ссады, — он показал широко ладонь, обмотанную грязным бинтом. Зойка и Пряхин уже пригрозиле воды. Пряхин уткнулся в её ладонь и начал шумно глотать. Пряхин и Киришча на друг бросился в чащу кустов. Некоторое время Пряхин и Зойка слышали удаляющийся шум и треск, потом всё стихло.

— Что это? — тревожно спросил Пряхин. — А-а-а! — догадывались о чём-то, широко улыбаясь им. Сильная рука его легла Зойке на плечо. — Ничего, помилосердись, — он засмеялся, показывая ладонь. — Чудак твой парень, ой богу! Да я разве что-нибудь? А?

— Зойка тербила пугонку на кофточке, прича жалов.

— Восье он не мой, — перебрала она Пряхина и пошла от него по тропке к роднику, притянула, смущённая, словно большая неожиданная дума озоботала её.

Киришча сидел на берегу у самой плотины, по привычке кускаясь стельбе травы. Вся решительность, которую Зойка кидала, пока шла сюда, неожиданно пропала, и стои за кустом, она тяжело переводила дыхание. Одну руку она держала на груди, у самого горла, другой судорожно охватывала жесткие листья чибиса.

Протрубил горн — сигнал к началу работы. Перебежал по мосткам, Зойка остановилась возле Киришчи.

— На что обиделся-то? — с напускной небрежностью спросила она. Он покраснел, отступился.

— Эх ты, непугёвый! — вздохнула Зойка и быстро поглядив его холодной ладонью по щеке, побежала прочь.

Отостат дня Киришча таскал носилки, и они казались ему необычайно лёгкими. Особенно радовался он, когда Зойка со своими носилками попадала на мостки впереди него, и очень смущался, если она шла сзади.

В четыре часа городецкие комсомольцы собрались уезжать. Плотина подвдлась над уровнем воды; вода, вставая, блыла об неё, отступала, шла вторым уровнем, постепенно затопляя дуг и песчаную косу.

Пряхин, успевший перебраться ко всем деревенским комсомольцам, ждал им руки и говорил:

— Мы вам эту закрудку быстро насмелем. Тётешка, преклонись перед нашими кулинарными способностями, — кланялся он Фросе. — До свидания, затеделку опять увидимся. По ма-ши-на-а-а!

Наверху Киришча хвятился Зойки.

— Да она вроде никуда осталась, — сказала Фрося Поливанова. — Догонит, а вы пойдёте.

Киришча побежал вниз. Зойка стояла на опустевшей песчаной косе, повернувшись лицом к ветру, и гримаз земное небо. Ветер трепал её солёные волосы, обивая голый тонкий затылок янго. Киришча тихо подкралась к Зойке и стала целить её голову ладонями.

— Отдай, кто? — сказал он, не меняя голоса.

— Пусти, Киришча.

— Не отдавала.

Она попробовала вырваться, но жесткие киришчины ладони крепко держали её. Тогда Зойка стала медленно отгибать голову назад, пока не почувствовала затылком его плеча. Потом она так же медленно пошла вниз, но не посмотрела на Киришчу, а устремила затемнившим длинными ресницами взгляд карих глаз в небо и грустно спросила:

— Не пустишь?

— А правда, ты уедешь в город уезжать? — спросила он.

— Правда.

— А приедешь скоро?

— Может, и совсем не приеду.

— Почему?

— Может, я там замуж выйду.

— За кого? За Пряхина?

— Ну хотя бы и за Пряхина.

Киришча припрунуса и медленно стала тянуться к зойкинским губам. Она извещиво свернулась, зажмурилась глаза, а когда открыла их, он уже шагал прочь, подминал босыми ногами широкие листья мать-и-чехи.

— Я вот скажу Аграфене. Она тебе поцелует! — неуверенно крикнула Зойка ему вслед.

— Не скажи, я замуж за Пряхина не выйду! — думала Киришча, уходя всё дальше по песку, ещё принашивая в себе солёное тепло.

Знаменитый сталевар завод имени Ильича (Донецк)
Илья Ильич Курилин.

Альберт МАЛЬЦ

МЕРТВЫЕ МЕЧТЫ

Рассказ

...Он посидел немного, потом встал. Через некоторое время свя охват, сорвал травинку, почистил стебельком трубку, вытер лицо рукавом и надел шляпу.

Когда мимо него по шоссе проходила машина, он поднимал трость, и его охватывала надежда, тут же сменявшаяся разочарованием. Он сунул руку в карман, нащупал первую полтавшуску монету, вынул и бездумно посмотрел на неё. Монета была чеканки тысяча девятьсот тридцать первого года. Он спросил себя: «Что ты делаю, парень, в те времена? Прошло достаточно много лет, чтобы подумать об этом». Он сникся что-то вспомнить, но его память ни за что не могла зацепиться. Он помнил только, что в тысячу девятьсот тридцать первом году работал недалеко от Лос-Анжелоса на постройке нефтянохимического завода. Но строительство прекратили в середине условленного срока, люди были выброшены за борт, трубы и балки остались ржавые. Это он помнит хорошо.

Вспомнил он и август тридцать восьмого года — постройку парка в Сентенбего. Его туда послала администрация общественных работ. Но начиная с тридцатого и кончая тридцать восьмым годом время сливалось в его сознании в одно целое. Да, чёрт возьми, это были тяжёлые годы! Случайная работа в одном конце города и нелегальная каморка в другом, десятки и сотни маленьких работ и малознакомые каморки сменяли он в то время... Они не удивлялись в его памяти... Но чаще всего не было ни работы, ни пристанища, — тогда земля и небо заменили ему всё.

Он продал автомобиль, прожил все свои сбережения, заложил вещи, но никогда не брал пособия для безработных и никогда не стоял на углу с протнутаю рукой.

Никогда!

Сейчас он понимал, что это фальшивая гордость, потому что для миллионов честных людей это был единственно возможный выход. Но всё же он гордился собой.

Впрочем, те годы не прошли даром: он прочёл много хороших книг. Ему, например, хотелось знать каждую строчку Джека Лондона, и действительно, он не пропустил ни одного его слова, прочёл все книги, справился за странный срок.

Но вдруг Мак-Кивер преобротал «Баранная» и вспомнил тот день, тот месяц и тот год... Он попрежнему сидел на краю придорожной канавы, поросшей травой, и так же автоматическим поднимал большой палец и провожал глазами проносившиеся в Лос-Анжелос машины, но мысли его блуждали в дельном прошлом.

Это было шестнадцать лет назад. В сознании его отчётливо возник февральский день тысяча девятьсот тридцать первого года. Он обновился тогда в Лос-Анжелосе, но его выбросили на улицу, и он позвонил искать счастья в другом месте.

Первый раз в том году он оказался безработным. Но это не очень огорчало его: он был хорошо одет, у него был подержанный двухместный гудзон, в кармане лежали деньги и банковский чек на тысячу сто долларов. Он был настроен достаточно оптимистически. А работа? Ничего, найдётся!

* Публикуемый рассказ прогрессивного американского писателя Альберта Мальца является отрывком из его романа «Путешествие Симона Мак-Кивера». В русском переводе рассказ печатается впервые.

В яркий, солнечный день он вывел машину из Лос-Анжелоса и пошёл её виле, постепенно въезжая в полосу плотного тумана, который застилает зимой всю Сун-Эванкискую долину. Он включил фары, перевёл машину на третью скорость и ехал некоторое время, вспоминая любимые стихи. Вдруг свет фар выхватил из темноты фигуру на дороге. Он обрадовался при мысли, что с ним кто-то будет ехать, и дал сигнал. Но человек не обернулся. В правой руке он нёс какой-то сверток, а в левой небольшой чемодан. Мак-Кивер высунулся в окно, ещё раз погнался и крикнул:

— Эй, приятель, хочешь, поеду?

Путник обернулся, и Мак-Кивер увидел совсем молоденькую девушку. На ней была мужская шляпа с опущенными полями и плащ. Она несла ребебка. Несколько секунд она случайно колебалась, потом подошла к машине. Девушка была высокая и довольно хорошенькая, как ему показалось, несмотря на матовую бледность, померавшую худое лицо. Он открыл дверцу и протянул руку за чемоданом. Как только она села и устроила ребебика на руках, её серые глаза пристально и правдиво посмотрели на него. Она смотрела недогово, но он до сих пор помнит, как заинтриговали его эти глаза. В её взгляде не было ни малейшей искры жизни; можно было подумать, что глаза эти принадлежат древней статуе.

Девушка молчала; она даже не поблагодарила за то, что её подобрали. Впрочем, она казалась такой усталой, что он не мог обидеться на такую явную невозможность. Он уложил её чемодан на широкую полку позади и спросил:

— Вам далеко, мисс?

— Стоконт, — проговорила она, не оборачиваясь и не глядя на него.

— Жаль, мне только до Бекерсфильда.

После молчания он добавил:

— Что ж, это хотя бы часть пути.

Он включил мотор и медленно поехал, разрезая густую ленту тумана. Ступица всё молчала, а он всё время думал о ней, думал о том, давно ли она так путешествует и когда едет в последний раз... Может, у нее не так то купить билет в автобус?

Через некоторое время девушка сняла шляпу и сразу изменилась. Она прислонилась головой к подушке сиденья и закрыла глаза. Теперь он был уверен, что ей не больше двадцати лет — двадцати лет. Руки её были грязны, на щеках подтеки, но каштановые волосы аккуратно причёсаны, и брови подведены. Видимо, она следит за собой. Ему стало жаль её, эту брошенную, подавленную горем деву Марию без Иисуса.

Ребебок спал у неё на коленях. Он был завёрнут в голубое, не очень свежее одеяло, забрызганное дорожной грязью. А что если бы у него самого была сейчас внучка? Но ему не хотелось думать об этом.

Девушка спала, а Мак-Кивер, включив фары и щёлкая стеклоочистителями, осторожно вёл машину по ровной линии шоссе. Наступила ночь. Вдруг хлынул дождь, и Мак-Кивер с тревогой подумал о своих пассажирах: девушке надо ехать ещё больше двухсот миль. Как он может высадить её с малышом на шоссе в такой ливень!

В это время девушка вздохнула и что-то прошептала во сне. Вскоре она совсем проснулась и спросила:

— Где мы!
— Приближаемся к Бекерсфилду. Хотите, я подвезу вас к какому-нибудь ночлегу?

— Спасибо, не надо. Высадите меня около газовой колонки. Я поеду туда, пока кто-нибудь не согласится меня подвезти.
— Может быть, вас и возмрут, но ведь потом опять высадят прямо на шоссе.

Девушка молчала.
— Вы же должны подумать о ребёнке,— сказал он сердито.
Она и на этот раз ничего не ответила.
— Хотите, я дам вам денег? Ведь у вас их, наверное, нет. Ночлег стоит всего один доллар.

Девушка тихо сказала:
— Я должна скорее добраться до дому, мистер. Если бы вы дали мне немного денег, чтобы купить какому-нибудь еде, я была бы вам очень благодарна. Но я должна как можно скорее быть в Стоктоне.
Он сказал с раздражением:

— Но не можете же вы стоять с ребёнком под дождем! О чём вы думаете! Одежду промокнет, и ребёнок съхватит воспаление лёгких!
Девушка не ответила, и Мак-Кивер подумал, что она ненормальная.

Но тут вдруг, с болью в голосе она сказала:
— Ведь ребёнок мёртв, ему уже дождь не повредит...
Он подумал, что ослышался, но переспросить не решился. Девушка отвернулась от него и пристально смотрела в темноту.
— Что вы сказали? — прервал он наконец это тяжёлое молчание. — Мёртвый?

— Он умер сегодня в пять утра.
Мак-Кивер проборотал «боже мой!» и обернулся, чтобы посмотреть на неё.

— Отчего же он умер?
— Не знаю. Я думаю, что у меня испортилось молоко.
— Может, он был болен?
— Вряд ли, он ведь совсем не плакал.
— И давно вы так путешествуете? Вы откуда?
— Из Сан-Луис.

— А-а-а... Ну ладно, мы поехали в Бекерсфилд, а там я поговорю в полиции, чтобы похоронили бэби. Какой смысл вам ехать в Стоктон с мёртвым ребёнком! В такую погоду на это уйдёт дня два.

Девушка заглянула: плакала она так тихо и так жалобно, что у Мак-Кивера защемило сердце.

— Я хочу, чтобы мама увидела его.
Мак-Кивер совсем забыл о своих делах, он хотел только, чтобы она перестала плакать.

— Ну, ну, не надо... Вы будете дома рано утром, так и быть, я подвезу вас.

Девушка ещё всхлипывала, но вскоре заснула.
В Бекерсфилде он остановился у kiosка и купил кофе и бутерброды. Девушка с жадностью пила горячий кофе, но совсем не могла есть. Мак-Кивер спросил, была ли она замужем. Она ответила, что была.

— А где же ваш муж?
Она помолчала, а потом рассказала свою историю, печальную и такую обыкновенную: она была работницей, когда была жива, и тому же был неурожайный год. Они голодали, и её муж что-то украл. Его посадили в тюрьму...

Так они ехали до рассвета. Когда они подъезжали к Стоктону, Мак-Кивер разбудил девушку. Она показала дорогу к дому своей матери, и скоро они подъехали к маленькому бревенчатому домику, стоящему позади двух текх жё. Дом выходил в грязный, засыпанный мусором и обрывками пожелтевших газет переулок. Он выглядел заброшенным и непопулярным разрушившимся.

Она не попрощалась и не поблагодарила его. Выйдя из машины, она только сказала, что её зовут Каролиной, и медленно пошла по переулку, несая в руках своё горе.

...Вот что произошло с ним в течение девятнадцати тридцать первом году. Мак-Кивер подождал минуту в ярмарке, лёг на землю, и весь мир показался ему до ужаса скучным и серым. Минуты начались летковые машины и грузовики. Был уже полдень.

Он задумался и сдвинул брови. В моменты такой депрессии ему постоянно вспоминались та девушка. Странно: ведь она была не более несчастна, чем многие другие, встречавшиеся ему за его долгую жизнь. Но она стала для него символом. Хорошенькая децятидцатилетняя девушка, у которой муж в тюрьме, а на руках мёртвый ребёнок... Она казалась ему олицетворением печального человеческого существования, когда юные мечты безжалостно впадают в грязь.

Он и сам мечтал когда-то. Он мог бы сосчитать свои мечты, как дождевые капли ранней весной. И все они были так разные, но так одинаково кончались...

Самую первую мечту он похоронил давно — сорок лет назад. Затем медленно и мучительно в его сердце рождался вторая мечта: он решил, занимаясь по ночам, стать инженером, чтобы потом с гордостью сказать, показывая на карту: «Я оставил здесь свой имя. Посмотрите, вот река и мост через неё. Тысячи людей проходят по нему каждый день. Его проплыл, как реку, перекинувшись через реку, мраморный колонны выдержаны в классическом стиле,— и всё это построил я...»

Но жизнь не позволила ему осуществить и эту мечту. Он успел немного позаниматься элементарной алгеброй и снова оказался без работы, всегда у него будет приятная и прочная работа. Может быть, даже жена. Он начал копить деньги на это. Но кризис четырнадцатого года поглотил все его сбережения. Потом, когда дело поправилось, он снова стал откладывать деньги, но в тысячу девятсот двадцатом году снова кризис, снова безработица... Мак-Кивер копил и тратил, копил и тратил.

В тридцатом году разбилась и надежда о ферме. Теперь он мечтал в последний раз. Мечте эта заключалась в том, чтобы написать книгу, большую книгу, которую могли бы читать другие. Он даже придумал название для неё: «Жизнь человека. Она будет состоять из двух частей: в первой части будут собраны отрывки из Лондона, может быть, Уитмена и других писателей. В этой части он покажет отверженных людей, постарается доказать, что хозяин земли, обыкновенный человек, забыт и не вознаграждён за свои труды. Эта часть будет начинаться цитатой из Аврама Линкольна: «Бог должен любить простых людей, потому что он слишком много их создал».

А теперь он лежал на краю дороги, и на сотни миль кругом не было никакого жилья... И мечта его показалась такой же нёртовой, как ребёнок в руках Каролины.
Он долго лежал и смотрел в облачное небо, потом сплюнул и сел.
— Поднимись, Симон,— проборотал он вслух. — Не надо раскидывать...
Но чем больше он думал, что раскидать нельзя, тем больше сердился на себя. Никакой твёрдости, никакой воли! Что это такое! Следующая же машина должна подобрать его и доездит до Лос-Анжелоса.
Он думал и трус! Разве можно так настраивать себя? Может, он слишком много думал! Он услышал далёкий гулок автомобиля, быстро встал, вышел на дорогу, поднял руку и энергично хлопнул на мурьях, переползающего шоссе.
Автомобиль пронёсся мимо...

Перевела с английского
Т. ВИРТА

Пётр КЛИМЕНКО

МАЛЬЧИК

На аллее городского скверика
Мальчик мяч бросает.
Завалывается.
Мальчик скаклетив,
Солнцу улыбается...
Почему ж как-то Америка
С этим
Детским счастьем
Не считается?

В день,
Когда с потешным напряжением
Первый
Робкий шаг он сделал свой. —
Где-то,
На берлинском направлении
Шёл отец его
В победный грозный бой
И погиб со славой,
Как герой.

Вечерами.
Он забот свободная,
Об отце рассказывает мать:
«Он умел
И жить
И жизнь отдавать
За тебя.
За счастье всенародное...
Ты, сынок,
Таким же должен стать...»

Он растёт.
С мячом играет в скверике,
Бойких птиц сгоняя с деревьев!
И на зло всей «атомной» Америке
Этот мальчик
Весь
Пойдёт в отца.

г. Киев.

ПРАВДИВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

«Вторая любовь» Е. Мальцева и Н. Венкстер в Московском театре имени Ленинского комсомола.

Фото С. Шингарева.

«Вторая любовь» на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола. Первый акт — свадьба Груня (артистка З. Руднева) и Родион (артист Г. Карнович-Валуа).

...Комсомольская свадьба. Сколько здесь жизни, молодости, бодрости, веселья! Свадьбы новобрачные — Груня и Родион. Их поздравляют, желают счастья...

Но уже в момент этого свадебного веселья зритель улавливает нотки будущего конфликта, видит разные характеры Груни и Родиона Васильцовых.

— Будем жить всем на зависть. Верно, Груня? — говорит Родион.

— Лишь бы нам и всем хорошо было... А зависть у других вызывать — зачем она нам? — отвечает невеста.

Война нарушает радостную и счастливую жизнь советских людей. Вместе с другими молодыми колхозниками уезжает на фронт и Родион. Груня остаётся в тылу. Тяжёлые испытания предостоят ей. Но именно в трудные минуты во всей своей суровой и строгой красоте проявляются черты её характера, передовой советской женщины-труженицы: внутренняя душевная сила, моральная чистота и стойкость. Только острее и глубже стал взгляд её, больше и дальше видит она...

И когда после войны Груня снова встречается с вернувшимся с фронта Родионом, мы видим её уже не робкой и застенчивой девушкой, какой она была в первой сцене. Трудности заканали её. Партийная и комсомольская организации помогли ей сформироваться в подлинную героиню социалистического труда, выйти на широкую дорогу больших дел.

Теперь перед нами волевая и цельная натура, богатая и сложная, но такая близкая и понятная нам! А Родион? Он остался таким же, как был: самодовольным и честолюбивым. А боевая слава, которую он привёз с фронта, быть может, прибавила ему ещё больше самоуверенности.

С любовью в сердце Груня разочаровывается в любимом человеке, и когда она видит, что Родион стремится только к личной славе, к личным успехам, это разочарование перерастает в разрыв.

Этот драматический конфликт стоит в центре пьесы. Зритель глубоко волнуется борьбой нового, передового со старым, отжившим. Груня от всего сердца трудится. Она и за Родиона ведёт борьбу от всего сердца, спасая его для общественного труда, оставшая своё право на большую и чистую любовь. И она побеждает в этой борьбе.

Думается, что именно в этом — в умении правдиво и полно скрупулезными средствами показать неразрывную связь личного с общественным, в умении ярко и образно раскрыть высокие общественные идеалы и всё душевное богатство советского человека — большая творческая удача молодой

Финальная сцена. Снова Груня и Родион вместе... «...и эта любовь будет светлее, чище, крепче», — говорит Груня.

артистки Зинаиды Рудневой, играющей Груню.

Грудует и игра молодого артиста Геннадия Карновича-Валуа, создавшего правдивый образ артиста с самого начала показывавшего как бы две противоречивые черты характера — малое тщеславие, стремление к славе быть первым — и вместе с тем ещё не до конца утерянное чувство коллективизма, по природе присущее советским людям.

Васильцов не «пропащий человек», и за него стоит бороться. Он хотел лёгким тру-

дом добиться славы, ради тщеславия быть впереди других. В этих стремлениях его постигла неудача. Он остался одинок и потерял цель в жизни. Но велика сила коллектива. Она помогает Родиону осознать свои ошибки, вернуться к жизни и вновь завоевать любовь Груни и доверие товарищей. Зритель верит и Груне, когда она говорит, что теперь эта любовь будет светлее, чище, крепче, и Родиону, когда тот отвечает на эту реплику: «От всего сердца!» Недостаточно полно и дорой показан в спектакле секретарь райкома Ракин (артист Е. Кузнецов). В пьесе лишь схематично намечена фигура партийного руководителя района, вожака масс. Поэтому не получили полноценного, волнующего образа и в спектакле.

«Вторая любовь» — повесть о жизни колхозной деревни, о судьбах и трудовых подвигах её людей, которых советский зритель уже близко узнал и полюбил в романе Е. Мальцева «От всего сердца».

Театр сумел создать в этом молодёжном спектакле свежую, живую и поэтическую атмосферу. Чудесны комсомолы. Они большая сила в колхозе, они поддерживают Груню в трудные минуты, помогают Родиону.

Знаменательно, что комсомальцы играют артистическая молодёжь, совсем недавно окончившая театральную студию. Почти все они выступают впервые. Артиры Валентин Бетгин, Маргарита Лифанова, Галина Сабанеева, Римма Маркова создают яркие и запоминающиеся образы комсомольцев.

Большой симпатией пользуется у зритель секретарь комсомольской организации Ваня Яркин (артист Валентин Бетгин). Прекрасный товарищ, неутомимый организатор и рационализатор, он покорила своей искренностью, молодёжным задором.

В спектакле чувствуется опытная рука режиссёра лауреата Сталинской премии народной артистки РСФСР С. В. Гиацинтовой. Кропотливо и любовно она помогла молодым артистам в их работе над ролью, заботилась о том, чтобы участники спектакля познакомились с колхозной жизнью в подшефном театре колхозе «Труд». Всё это помогло артистам правдиво выразить те черты характера советских людей, которые они полюбил в жизни.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

Заметки к книжке

ТЕМП ЖИЗНИ

В 1946 году вышла в свет маленькая книжечка стихов Г. Николаевой «Словно огонь».

Ватум пропоявился в печати интересные очерки Николаевой. Их можно назвать и свет роман «Игаты»¹.

И в том, своим образом писательница сохранила то же, вневременное отношение и окружающему, то же стремление охватить всеобъемлемым глазом поэта все красоты, всё многообразие жизни.

Первым планом — ну, отчётливо — вырисовки в романе образы людей, людей деревни.

Одно из главных действующих лиц — животновод Авдотья. Чем больше расширяется круг её забот, тем больше приходится ей подлаживать к другим и воспитывать людей, и учить их, и вести их вперёд за своими планами и мечтами. Авдотья — цельная натура, всё она движет с увлечением, с напряжением всех своих душевных сил. И без малейшего специальных усилий авторитет её растёт: так велика сила личного примера, сила красоты бескорыстного труда.

Образы молодежи в романе «Игаты» — растущий, требовательный, ищущий новых путей — это истинностроит, как великие силы народа.

Правильны образы секретаря райкома Андрея Стрельцова и председателя колхоза Василия Боринкина. Справедливость, чуждость, внимание к людям, деловый облик их привлекательны и женственны.

Партия учит и требует: партийность в огромной степени повышает чувство ответственности человека за качество работы, на весь строй его жизни.

Вот почему Авдотья, взволнованная до глубины души тем, что её приняти кандидатом в члены партии сразу не начнётся пересматривать, всё ли сделала она на своём участке.

Партия учит и требует: партийность в огромной степени повышает чувство ответственности человека за качество работы, на весь строй его жизни.

Вот почему Авдотья, взволнованная до глубины души тем, что её приняти кандидатом в члены партии сразу не начнётся пересматривать, всё ли сделала она на своём участке.

Партия учит и требует: партийность в огромной степени повышает чувство ответственности человека за качество работы, на весь строй его жизни.

Роман хорош потому, что в целом он верен жизненной правде. Лишь неожиданная смерть комсомольца вызывает невольную натурия, и она вызывает протест читателей: Алёша Фросяев под впечатлением сверхчуждого рая, обострил болезнь — и умер. Странно, посвящаясь возрождению молодой любви между Алёшей и учительницей Леной, поэтично: эта любовь — отдавшая, счастливая — была прекрасна.

А гибель Юлии неслучайна, не случайна.

Язык персонажей мало индивидуализирован. Конечно, его речь передовых коммунистов, которые и на курсах побывали, и газетку читают, и радио слушают. Но люди-то они всё-таки разные. А какой-то говорит у Николаевой одним языком, за исключением фразеологии, с её авторскими восклицаниями:

«Вот-ишь! И с искорою вода, как со степью, стечёт! И вам не дамса меня губить!»

Ещё в книжечке своих стихов Галина Николаева стремилась рассказать о чудесной русской природе.

«Вот у берега старая ель, величественная и седая от покрывших её лишайников, издаёт опустившие тёмные обитские ветви свой голос: баюкает веткой сосульки, чёрной заводи и, как в зеркала, отразилась в ней».

Но пейзаж сегодняшней деревни своеобразен и немалым без машин.

«Идешь, идешь Николаева — и тебе хорошо была сложная мотылька, рабочую — на электромоторчик!» И со вкусом, с волнением, со страстью описательски-художественная рука Микхеича на этой мотыльке, примечательна движение его топчак, как ироничная рубка».

Писательница сумела почувствовать темп жизни жизни на главном — как называется «Темп», сумела передать теплою осязаемостью, как труд, труд труда, дающего людям глубокое удовлетворение, составляющего радость жизни.

Новая деревня — новая жизнь — и новая жизнь, рудоудельные и масса, их взаимоотношения, — всё это не форм, а существующие книги. И в смутной, и в мотыльке, и в мотыльке урмья Фрося и возлея Авдотья, и в мотыльке Андрей, и в мотыльке, и в мотыльке верные товарищи по общему делу, как наши спутники и добрые друзья.

Е. СМЯРНОВА

¹ Г. Николаева. «Игаты». Роман. Журнал «Сныдь» №№ 5, 6, 7 за 1950 год.

ИХ НОВОГОДНИЙ БАЛАНС

В своём стремлении разгадать «таинству» былого будущего и установить, что дель грядущий им готовит, капиталисты широко прибегают к помощи дипломатических «агентов», которые для целей убедительности в традиционную кофейную гущу подмешивают немалую толку гуцу порохов. Поскольку, однако, окружающая нас действительность мира насосторожного сулит мало отрадого современными делами и жрецам капитализма, они не брезгают и мером интуитивным, чтобы хоть там по возможности найти для себя какое-либо утешение.

Может быть, именно поэтому в капиталистическом мире из всех отраслей так называемой легкой промышленности менее других подвержена застою и упадку лишь одна отрасль — «индустрия предказаний», «промышленность», изготовляющая всякого рода гороскопы, нередко выдаваемые за научно разработанные индексы.

Так, весьма возмущает журнал «Аурора» — всемирной орган спиритов, в состав редколлегии которого включены наряду с реально существующими американскими лекарями и журналистами также и «духи», в том числе и «духи». Дитте и Шекспира, Маршалл-Сованлин «дух» Шекспира должен, очевидно, дать окончательный ответ на страницах журнала спиритов, «быть или не быть» капиталистическому строю. О масштабах деятельности «индустрии гадания» даёт представление и такой факт: в Мюнхене под покровительством американцев не так давно состоялся съезд эзотериков и прорицателей, стремивших объединить и координировать свои жалкие потуги и тригномические усилия в деле утешения своих весьма потчеванных и ещё более удручённых заказчиков.

Можно было бы стесать всё это очередной нелепостью и, удумавшись, пройтись мимо перечисленных фактов. И если мы этого не делаем,

то лишь потому, что в них с наглядной ясностью скрывается сейчас капиталистический мир, пытающийся продлить сроки своего существования. Сущность этой весьма малопривлекательной ситуации выражена секретарём Национального комитета компартии США Холлом в следующих словах:

«Всякий раз, когда им нужно принимать решение, над ними нахлещается голос истории, который шепчет им: «Взгляните проклятые, если поступите так, и будете прокляты, если поступите не так!»

Нетрудно обнаружить, что сейчас, в начале нового года, история особенно громко намекается над американским империализмом, ибо именно Соединённые Штаты являются ныне не только главным оплотом капитализма, но и мировой цитаделью мрокробезия, инвизитром милитаризма и фашизма, откуда извергается на весь подлпатанный им мир Нинагара военной истории.

Ещё до самого недавнего времени «свободная» печать США всё ещё пыталась представить в качестве основных героев так называемого американского образа жизни инвестора Грэмма и Дугласа Микартера. Сокрушительный провал всей внешней политики США и военные поражения на фронтах в Корея стремительно и внезапно оставили правящие круги Соединённых Штатов как раз на пороге нового года без «примерных мужей». Орел их «слова» развело в пух и в прах, как развела шквалы ветер ключа магистрального туннеля над болотом.

Такого рода обстановка нанесла серьёзнейший удар «международному престижу» США, чьи акции и так стояли немалым давле в лагере их сателлитов. И если раньше сам Даллес не нуждался констатировать со скрежетом зубным: «Мы (то есть американские империалисты. — Б. Р.) не популярны», — то сейчас

американским поджигателям войны вразумить «каргалу».

Этот панисский возглас, в сущности, и раздул в виде тех чрезвычайных, драконовых мероприятий, под знаком которых Соединённые Штаты и вступили в новый день. Не довольствуясь войной, развязанной в Азии, и вестически стремился расширить её на этом континенте, американские империалисты в то же время намерены ваять весь мир под прищел своих милитаристских и пропагандистских орудий кузнюного калибра. Отсюда лихорадочное склочивание почти четырёхкратной армии путём принудительной вербовки молодёжи, подпадающей в безысходное положение в силу прогрессирующего обнищания народных масс. Отсюда военный бюджет, достигший теперь невиданных цифр — более чем 50 миллиардов долларов. Отсюда обнищание страны на «трусимчайшем положении», позволяющее Трумэну ещё более быстрими темпами проводить автаркистическую политику развязывания войны и установления феодализма. «Обстановка требует геронического жеста, любого жеста, лишь бы он свидетельствовал о силе!» — истерический вопит орган американских деловых кругов журнал «Бизнес уик». И американские монополии делают этот гангстерский жест, если уж жаждают в кулак стегать и старается этот кулак поднести возможно ближе в первую очередь к лицу своего собственного народа! Таков новоявленный «геронический жест» зарвавшихся игроков с Уола-стрит, респещивших вести игру «ва-банк».

«Я уже побывал в одной из тюрем Гарри Трумэна, — писал с горечью Говард Фаст, — в настоящее время вся моя страна представляет собою тюрьму». В этих словах даже скитный, но весьма конкретный итог «эзавоования» кавалитальной «демократии Ливна» в стране, где одним из наиболее громких, даже сенсационных событий истекшего года явился «юбилей» главы американского гестапо, директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера. С именем благополучия правящих кругов Гувера чествовали чуть ли не в колокольном звоне, а само ФБР было торжественно пригласено реакционной печатью к лицу «величайших национальных институтов» сегодняшней Америки.

Картина положения в США была бы неполной, если бы мы здесь не упомянули о том, что один из основных «столбов» «Бриксановой демократии» — доллар — как раз накануне 1951 года, даже по официальным данным, поспе над пропастью. В новоявленных размашиваниях такого финансового «стуса», как председатель Международного банка реконструкции Банк, уже первое название на то, что в ближайшем будущем нужно ожидать волеу инфляции.

В общем и целом надо сказать, что выпутаться из такой ситуации американским империалистам не помогут ни Трумэн с Ачесоном, ни гадалки со звездочетками, ни даже срочно мобилизованные «суджи»!

Если из эзавонских делей приближается к Западной Европе, то легче лёгкого установить, что и здесь промываний год, третий год существования «плана Маршалла», не принёс ничего, кроме усиления бесправия и нищеты народных

масс и усиления зависимости европейских государств от США.

На одном из высших орденгов Британской империи есть символическая надпись: «Да будет стыдно тому, кто скверно об этом подумает». Простые люди Англии, имея в виду нынешнюю политику лейбористских министров, вправе сказать от всей души: «Да будет стыдно тому, кто хорошо об этом подумает». Англия как держава представляется собой сейчас нечто среднее между сроком девятим штатом США и американским авантюристом в Европе. Речь Этлин в палате общины, где он отчитывался в своих

недавних переговорах с Трумэном, была одной из газет названа «человеком умолчания». Эти слова нуждаются в дополнении; она была «человеком — трусливого умолчания». Ибо Этлин протестовал рассказать откровенно о том, как Англия ещё раз кинувшись лапой перед США и согласилась во всех важнейших вопросах идти на поводу или бежать припримкнув за ними; куда дала Сам с копытом, туда и Джон Бул с клешней...

В итоге Англия встречает Новый год в холоде и подумает как в буквальном, так и в переносном смысле этого слова. Грубо потрепанная от Англии убыстрения вооружений, Трумэн в то же время отказал в предоставлении ей необходимых долларов. И английский кабинет поспешно и покорово согласился извратить в 1951 году на плечи народа вновь бремя налоговых тягот, вырвавшихся в 524 миллиардах фунтов стерлингов. В качестве «новоявленного соржирова» объявлено, что, начиная с января, производится очередное сокращение выдачи мясного рациона по карточкам. Отныне по мясоте американских колонизаторов и их лейбористских детеныш каждый трудящийся сможет приобрести не более 100—150 граммов мяса и мясных консервов в неделю!

Не так давно английская газета «Санди экспресс» с сарказмом надом сообщила, что во вновь остроном заде заседаний палаты общины члены парламента больше не смогут класть, как раньше, ноги на спинки стоящих перед ними скамьи. «Передние скамьи», — сообщала газета, — находятся на слишком большом расстоянии от второго ряда скамьи, а подушки на сиденьях слишком мягки. Только Дальтон — человек огромного роста — сможет сохранить традицию, порождающую в одно пожатие людей, впервые посетивших парламента». Проведение этой парламентской «реформы» явилось, пожалуй, единственно за последнее время решением, принятым лейбористскими правящими кругами без согласования с Вашингтоном.

По ту сторону Ламанга господни Мок старается заставить «Марианну» — как шутливо называет Францию её народ — плясать какой-то странной танец, в котором причудливо сплетаются маршалловывивания канвиль с еспрессивным шагом милитаризации. Накладывая на «Марианну» наручники, он выдвигает их за кресты, ссылаясь

при этом всё время на то, что непогрешимость его скандальной репутации подтверждена парламентамским большинством.

Примерно сто лет назад великий песенник-демократ Бернаке иронически писал:

«Что Франция покоровей стала,
Мысль — в наклады со всех сторон!

Не сомневаемся, что американские гаулеттеры во Франции, подобно своей новоявленной госте во славу поджигателей войны, не преминули всерьёз дасть своим французским дакем тот же самый совет.

Американские агрессоры грозят всем миродобившим народам. Они пытаются сколотить в Западной Германии ударный отряд своих наёмников и направить их «на Восток», «нах Остен», против СССР и стран народной демократии. Здесь, в Западной Берлине, они пытаются вербовать из немецких воинов «иностранный (!) легион», совсем как в типичной колонии, — предварительно лишая их даже минимальных пособий по безработице.

Но вот в канун нового года пришло из Западной Германии известие, которое можно считать важным как бы ингафром ко всей американской политике, проводимой в беронской вотчине Уола-стрита. Это — известие о полном восстановлении звонков Крупа и о возвращении на прежние места их владычества Аль-Фреда Крупа и всех директоров, находившихся до сего времени в тюрьме, куда их заключили как военных преступников.

Завоевские поджигатели войны высюпорно именуют такой агрессивно-автаркистический курс «политикой силы». Но всему миру ясно, что по существу здесь речь идёт об агрессивной политике страха, страха перед народами, не желающими ни безротно браться под колесницу американского империализма, ни покорово вкратиться в неё, чтобы тизить её по кровавым дорогам войны.

Свободолобивые народы хотят мира. Даже корреспондент радиозвещательной компании «Колумбия», рискуя шашечку, на себя типа скажет: ««Бессов» вынужден сейчас признать: «Народное возмущение и давление снизу на правительств Англии и Франции носят повсеместный характер. Нежелание придерживаться политики Вашингтона наблюдается в каждой стране.» Мисконачетательные слова, равносильные признанию провала всей прокламируемой Вашингтоном «политики силы!»

«Нельзя убить идею, время которой настало», — говорил Вальтер.

И нельзя воскрешать идею, время которой прошло!

Б. РОЗАНОВ

СИМЕИЗСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

В 1908 году научный сотрудник Пулковской обсерватории Ганский съезд на Севастополе в Алупку. В густой зелени, покрывавшей склоны скалистой горы в Симеизе, которую местные жители называли «Кошкой», он случайно заметил два купола. Ганский приказал сослуживцу взойти с вершины дороги, и вскоре он очутился у небольшой обсерватории, о существовании которой в научном мире не было известно. Обсерваторию организовал один из любителей астрономии на свои личные средства.

Русские учёные давно мечтали иметь обсерваторию на юге страны, так как в Пулковке бывает в среднем всего 85 ясных ночей в году, когда можно производить астрономические наблюдения. Но царское правительство меньше всего интересовало проблемы межзвёздного пространства, и все просьбы учёных об ассигновании необходимых средств так ни к чему и не привели. Поэтому поистинно радость и изумление научного сотрудника, неожиданно наткнувшегося здесь, в Крыму, на обсерваторию.

Ганский встретился с владельцем, поговорил с ним, и вскоре крохотная крымская обсерватория стала филиалом Пулковской. Однако сколько-нибудь серьёзной научной работы до октября 1917 года сотрудники её так и не могли развернуть.

Астрофизик В. А. Альбицкий у дальнего телескопа. При помощи этого аппарата учёному удалось открыть новую планету, которой дано название «Помосомовича» фото Л. Яблоновского (ТАСС)

Только после Великой Октябрьской социалистической революции советское правительство практически заново создало научного центра по наблюдению за небесными светилами на юге страны. Было построено несколько новых наблюдательных башен на самой вершине «Кошки», причём одна из них — с огромным раздаточным куполом, внутри которого был смонтирован прибор для фотографирования солнца. Изучение процессов, происходящих в раскалённой солнечной массе, помогает познать их природу, их влияние на жизнь Земли.

Симеизская обсерватория уделяет также большое внимание изучению процессов, происходящих на звёздах. Наблюдение за звёздами даёт возможность глубже проникнуть в природу их вещества.

По объёму и научной ценности проводимой работы Симеизская обсерватория занимает, пожалуй, одно из первых мест в Европе. Только за три последних года опубликовано шесть томов научных трудов обсерватории.

Научные сотрудники крымской обсерватории решают много интересных проблем. Так, например, именно здесь доказано вращение звёзд вокруг своей оси. Установлено, что скорость вращения некоторых звёзд превышает скорость вращения солнца в сто раз и больше. Это поможет решить проблему происхождения звёзд.

В обсерватории давно ведутся работы по изучению туманностей. Академику Г. А. Шайну удалось сфотографировать туманности межзвёздного газа, о которых мы знали лишь по линиям спектра.

Большое место в работах обсерватории занимают вопросы энергии. Создается ли энергия звёзд-гигантов так же, как и энергии солнца? Вопрос этот решался своими наблюдениями и исследованиями академик Г. А. Шайн, работы которого в этой области удостоены Сталинской премии за 1949 год.

Заново восстановленная после войны Симеизская обсерватория с каждым годом расширяется.

В 1951 году начнётся строительство обсерватории второй очереди. Будут построены башни для большого солнечного и отражательного телескопов, подсобные помещения, телефонная станция и другие сооружения.

Л. БЕЛЯЕВА

НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

Слалца норм физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» — первый шаг на большом и трудном пути к созданию спортивным мастерством. Для того, чтобы получить право на ношение почётного значка с изображением бегуна, рущего финишную ленту, надо уметь быстро бегать, прыгать, уверенно плавать, ходить на лыжах, ловко и быстро преодолевать полосу препятствий.

— Нет, мне не справиться с этим делом,— твёрдо заявил молодой слесарь-инструментальщик Крючков инструктору-общественнику Лушину.— Слэптом я не займался, бегом плохо, плаваю...

— Совсем не умеешь?

— Умею, конечно, но очень плохо. А сколько надо проплыть, чтобы слезть с лодки?

— 100 метров.

— Столько мне не проплыть.

— Не зарекайся. С первого раза, может, и не проплывёшь, а со второго, третьего — проплывёшь.

— Ты завтра на массовке будешь?

— Буду.

— Там и продолжим наш разговор. А пока я тебя всё-таки зашлю в свою клинику.

Евгений Лушин вынул блокнот и сделал в нём карандашом пометку. Ещё один кандидат в члены спортивного общества Парень, видно, крепкий, здоровый. Как такому не быть значком ГТО!

У Жёлтой горы в тени ветвящегося дерева расположился заводской оркестр. На соседней площадке, натяну между сосен полубольшую сетку, с азартом сражались волейболисты. В живописной роще на берегу реки группами расположились отдыхать рабочие завода «Карболит». С реки доносятся звонкие голоса, слышны плеск воды.

На солнышке улеглась зародать молодёжь.

— Ну, вот я тебя и нашёл,— сказал Лушин, подходя к Крюч-

кову.— Не забыл о нашем разговоре?

— Юноша понял голову. Разговорю, конечно, не забыл, но как решиться?

— Давай с тобой так условимся,— продолжал Лушин:— Мы вместе поплывём вдоль берега. Поплывём к тому до кустов. Если успеешь, свернись к берегу. Ладно?

— Попробуем,— неуверенно согласился Крючков, и оба присо-единились к группе юношей и девушек, ожидающих инструкторов у того места, где берг, изгибаясь, глубоко вдаётся в воду.

Будущие значкисты уже в воде. Прокладные струи приятно ощущают разгоряченные тела. Инструктор зорко следит за движениями пловцов. Он держится поближе к Крючкову. Когда до кустов остаётся уже совсем немного, Лушин замечает, что Крючков устал.

— Может, хватит на первый раз? Повторимый к берегу.

— Но Крючков не отвечает. Он видит, как один за другим, хатаясь за кусты, выбираются на берег его товарищи. Неужели же он один не выдержит испытания? Нет, он доплывёт, доплывёт обязательно.

И вот Крючков уже на берегу. К плывшим подходит невесомого роста человек. Это председатель Орехово-Зуевского комитета физкультуры В. Муранов.

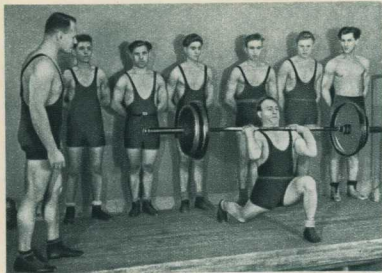
— Поздравляю вас, товарищи! — говорит он. — Вы сдали нормы ГТО по плаванию.

— Неужели я проплыл 100 метров? — с изумлением обращается Крючков к Лушину. — Вот никогда не думал.

— Да,— отвечает Лушин.— От выстула до кустов как раз 100 метров. А ты вот боялся. Ну, теперь начало положено. Завтра, после смены, без отговорок — на стадион. Начнём готовиться к сдаче остальных норм. Сейчас на-

Физкультурники-активисты инструментального цеха завода «Карболит» (слева направо) Евгений Баранов, Виктор Абакумов, Николай Кузнецов и Пётр Абакумов обсуждают план лыжной вылазки.

Штангисты. Со штангой мастер спорта Николай Родин.

заводе идёт комплексная спартакиада. Будущее в ней участвовать и сдать все летние нормы. А зимой займёмся лыжами.

...На заводе «Карболит» ежегодно проводятся летняя и зимняя комплексные спартакиады. Прошлым летом в спартакиаде участвовала примерно половина всех рабочих завода, а в инструментальном цехе благодаря умелым действиям активистов Дунина, Баранова, Брекнина, Полусветова, Абакумова — даже 70 процентов рабочих.

Участие в соревнованиях служит прекрасным средством закрепления навыков в спортивных секциях. Захваченный спортивным азартом, молодой физкультурник, даже потерпевший на первых порах поражение, загорается страстным желанием стать значком ГТО, разрядником, а там, глядишь, и мастером спорта... Бедь стал же электрак. Родин мастером спорта по подниманию тяжестей! А давно ли он начал свой спортивный путь?

На «Карболите» 18 спортивных секций. Занятиями, как правило, руководят общественные тренеры и инструкторы.

— Чтобы показать хорошие результаты в любом виде спорта, — говорят они, своих воспитанников, — необходимо быть всесторонне физически развитым человеком. А это достигается путём сдачи норм комплекса ГТО сначала первой, а затем и второй ступени.

Эта правильная мысль находит прямое отражение в учебном процессе. Общественные тренеры ведут занятия в секциях не только «по специальности», но и готовят учеников к сдаче норм ГТО.

Однажды в секцию штанги пришел новичок.

— Нефёдов, — назвал он себя. — Хочу попробовать свои силы.

Его приняли в секцию. После нескольких тренировок молодой атлет легко выполнил норму штангиста третьего разряда. Перед ним открывались большие возможности для дальнейшего совершенствования. Но для присвоения разряда необходимо сдать нормы на значок ГТО второй ступени. И тут у Нефёдова начались трудности. Ему не верилось, что он, тяжелоатлет, сумеет пробежать 3 тысячи метров.

Нефёдова передали под «одежку» легкоатлетам. Штангист регулярно стал тренироваться в беге, прыжках, в преодолении полосы препятствий. К концу лета он успешно выполнил все нормы, в том числе и «трудную» норму в беге. Усиленные занятия лёгкой атлетикой пошла Нефёдову на пользу. Получил всестороннее физическое развитие, он значительно повысил свои результаты и в поднимании тяжестей.

Нелегко было привыкнуть к сдаче норм ГТО футболистов.

— Тяжёлый народ, — говорили о них инструкторы и физоргы. — Кроме своего кожаного мяча ничего больше в спорте не признают.

Но на «Карболите» сумели «подобрать ключи» и к футболу. По решению совета коллектива физкультуры на заводе был объявлен конкурс на звание лучшей по физической подготовке футбольной команды. Это футболистам пришлось по душе. В самом деле, всем было любопытно узнать, какая же команда состоит из наиболее сильных и разносторонних спортсменов. В конкурсе включились команды многих цехов. Соревнования проводились по программе мискоборья ГТО. Когда они окончились, оказалось, что многим участникам составили, чтобы получить значок ГТО, осталось досдать всего две — три нормы. Довершить начатое дело было уже нетрудно. К концу лета большинство футболистов стало значкистами.

На заводе «Карболит» настойчиво воспитывают значков ГТО, умело прививают молодежи любовь к разнообразным физическим упражнениям. Физкультурные активности, в большинстве комсомольным, получают на курсах и семинарах специальные навыки и знания, в свободные от работы часы любовно занимаются с молодежью, готовят её к спортивным соревнованиям. И не случайно на «Карболите» годовой план подготовки значков ГТО был выполнен ещё в октябре. Сказались коллективные усилия инструкторов спорта, общественных инструкторов, тренеров, организаторов физкультурной работы.

З. ГУРЬЕВ

Орехово-Зуево, Московской области.

Фото Г. Борисова

Заводская хоккейная команда на тренировке.

Лыжники завода «Карболит» готовятся и сдают норм на значок ГТО.

ШАХМАТНЫЙ РАДИОМАТЧ

В Главное Управление Северного морского пути с ямса Челюскина пришла любительская радиоматча: «Евгений два, Евгений четыре». Странно выглядела такая телеграмма среди сведений температуры, скорости и состояния полярных льдов и позаванив барометров. Но телеграфист читать не удивился. Он зарегистрировал радиоматчу и положил её в особую папку, на которой были изображены шахматный конь и ладья. Так начался шахматный радиоматч Москва—Арктика.

По берегам Северного Ледовитого океана раскинуто полярное население. Здесь живут советские станции, выполняющие различную работу по изучению и освоению Севера. Полярники—люди самых разных профессий: моряки, метеорологи, географы, астрономы, ботаники, геологи. Среди них немало шахматистов. В свободное от работы время они не прочь сыграть в любимую игру.

Отдельные от центра страны многими тысячами километров, полярники не чувствуют себя отчужденными от Большой Земли. Они постоянно слушают центральные радиостанции, они в курсе событий народных и всесоюзных собраний,

они получают на самолётах газеты и журналы из Москвы, занимаются спортом.

Большим событием в культурной жизни зимовщиков явился радиоматч, организованный Главным Управлением Северного морского пути, Центральным Советом добровольного спортивного общества «Юность», которое объединяет спортсменов-полярников, в том числе, естественно, и шахматистов, обративших в московским коллективом, входящим в это спортивное общество, с предложением сыграть партию с полярниками. Первый откликнулся на призыв шахматисты Министерства морского флота и Министерства речного флота. Среди служащих этих министерств было немало людей, знакомых с полярниками по работе и за шахматной доской.

И вот в эфире прозвучали первые радиоматчи с шахматными ходами. Игра происходила своеобразным образом. Вечером, после работы, шахматисты-москвичи собираются в шахматы и ходы передаются по телефону судье матча, а тот, в свою очередь, сообщает их в радиоприёмник Глосавморпути. Через некоторое время шахматные

радиоматчи передаются полярникам на ямсе Челюскина или в бухту Гинса, в Арктику или на ямсе Тундра. В течение дня полярники должны собраться и передать свой ответный ход по радио в Главное Управление Северного морского пути. Таким образом, за двое суток обе стороны делают один ход. Этот матч—равное явление в шахматной жизни СССР. В этом, впрочем, и состоит его смысл. Осознание шахматной общности, удовлетворения желание полярников-шахматистов, предоставления им возможности сыграть в шахматы в Москве по радио. Устраиваемый матч—не коммерческое предприятие, как это обычно бывает в капиталистических странах, ибо никто—ни Главное Управление Северного морского пути, ни радиоприёмник, ни полярники-шахматисты—не получают прибыли от этого состязания. Материальная помощь, которую оказывает правительство и общественность советским шахматистам, является лишь выражением заботы советского правительства о гармоничном воспитании человека!

Г. ДРЮБИН,
судья матча

КРОССВОРД

Составил Б. Бернштейн (г. Молотов)

По горизонтали:

1. Остров. 3. Советский поэт. 7. Тип самолёта. 8. Герой прозаической повести Николая Островского. 11. Советский драматург. 12. Советский писатель. 13. Интернациональный праздник. 14. Повесть. 15. Ряд слов, букв, написанных в одну линию. 20. Вид панорамы. 22. Воображаемый круг, делаящий земной шар на две половины. 23. Повесть А. Толстого романа «Кружечка». 28. Советский космополит. 31. Автор романа «Иван-Альп». 32. Новая искусство. 33. Бег по пересечённой местности. 37. Страна в восточной Америке. 39. Периодическое издание. 40. Название советского телешоу.

По вертикали:

1. Страна, являющаяся громадных размеров. 2. Физическое упражнение для развития и укрепления организма. 3. Повесть о шестидесяти. 4. Страна света. 5. Влеск вынесенной или отпозволенной поверхности. 6. Ответствие в вершинной журавля. 7. Герой Советского Союза. 8. Советский писатель, автор романа «Большая семья». 10. Периодическая печать. 14. Молодость. 15. Искусство ведения войны. 17. Автор трилогии «Хожение по мукам». 16. Народ в составе СССР. 18. Передовой отряд. 24. Степень быстроты движения. 25. Работник рукоделия. 29. Буквенное сочетание. 30. Чернильное пятно на бумаге. 31. Прямая. 34. Периодическое и называемые органы возобновления энергии, средоточия учреждения. 35. Уголок. 36. Дивангаль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПОМЕЩЕННЫЙ В № 21

- По горизонтали:
5. Конкордотурин. 10. Статуэ. 11. Пик. 12. Кутурин. 13. Анонс. 14. Гринд. 15. Антеп. 18. Сосис. 20. Нанин. 22. Азбука. 23. Домино. 26. Непра. 28. Седло. 29. Вино. 31. Пинк. 34. Нис. 35. Теркин. 36. Архитектоника.

По вертикали:

1. Почтовый. 2. Овстр. 3. Кошпа. 4. Архон. 6. Радив. 7. Арин. 8. Станиславский. 9. Палеонтология. 16. Сова. 17. Барон. 19. Куп. 21. Ыон. 24. Медведь. 27. Альп. 27. Ренор. 30. Алрина. 31. Арин. 32. Стена.

Ответственный редактор — А. Баранов.

И	У	Р	Л	А	В	Р	С	9	С	4
О				5				6		
Ю	А	И	О	Н	П	А	А	И		
С	Т	А	Т	К	З			10	В	С
И				11	С	У	З			
16	Р	Т	И	Ц	А	17	С	18	19	Т
				20	Т					
				21	С	У	З			
				22	С	У	З			
				25	С	У	З			
				26	С	У	З			
				27	С	У	З			
В	А	С	И	32	С	У	З	33	Р	С
				35				36		
С	35	С	У	З				38	С	У
У	35	С	У	З				38	С	У
39	А	С	У	З				40	О	С

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПОМЕЩЕННЫЙ В № 22

- По горизонтали:
1. Спартаконда. 7. Рогдай. 8. Хур. 10. Калька. 11. Врас. 12. Гроза. 16. Вудин. 17. Магун. 18. «Динь-дунь». 21. Студо. 22. Онуи. 24. Отара. 26. Успосвоний. 27. Ульямугуи. 28. Наньа. 31. Амур. 32. Руна. 34. Изырь. 36. Горюди. 39. Борсес. 43. Гурю. 44. Таран. 45. Стурю. 46. Алтай. 47. Нецера. 48. Албайзаской.
- По вертикали:
2. Пейжа. 3. Артиллерия. 4. Двор. 5. Коралл. 6. Стайна. 8. Хостя. 9. Тарби. 11. Врат. 13. Арин. 14. Тварюдиный. 15. Комсомольск. 19. Корсет. 20. Мортира. 21. Сауна. 23. Осуна. 23. Милар. 25. Авин. 28. «Отрочество». 30. «Варяг». 32. Служ. 35. Влостю. 37. Опию. 38. Битый. 39. Гуря. 41. Урост. 42. Дриври.

Редакция: В. Ажнев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Лукин, Н. Смирдин.

В. Шкредов—Моя семья.
И. Михайлов—В полёте.
П. Николаев—Вудя агроном!
М. Солодовникова—Самое замечательное.
А. Гриневич—Добит.
Т. Николаев—Рождение темы.
Г. Меньшикова—Задумала—добьются!
Николай Новосёлов—Свет над тайгой.
Георгий Ефимов—Родные.
Евгений Сапожников—Чернышков.
Василий Мадьяр—Над Волгой.
Михайло Вирвов—Тела ринуть.
Ай Динь—Два Сталина.
В. Росляков, В. Комов—В сельском клубе.
Геннадий Бугалов—Герои моря!
В. Калачников—Ильскити на волжских берегах.
Сергей Никитин—Опрятные мечты.
Альберт Мальц—Мёртвые люди.
Петр Клеименко—Мальчик.
С. Смирновичий—Правды восток.
Е. Смирнова—Темп жизни.
Б. Соловьев—Их поведут к балансу.
Л. Велдья—Симеизская обсерватория.
З. Гурьев—На пути к мастерству.
Г. Дрюбин—Шахматный радиоматч.
Кроссворд.

На первой странице обложки: чешский страны по салому Евгения Сидорова. Фото Л. Бородунова.
На четвёртой странице обложки: «На катке». Рисунок В. Орлова.

Обформление номера В. Уриша.

